

INSPIRIA

Э. Дж. Пирс

*Дорогая
миссис
Бёрд...*

Э. Дж. Пирс
Дорогая миссис Бёрд...
Серия «Novel. Большая
маленькая жизнь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58556079
Дорогая миссис Бёрд...: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-104718-4

Аннотация

Трагикомический роман о девушке, воплотившей свою мечту, несмотря на ужасы военного времени.

Лондон, 1941 год. Город атакуют бомбы Люфтваффе, а амбициозная Эммелина Лейк мечтает стать военным корреспондентом. Объявление в газете приводит ее в редакцию журнала – мечта осуществилась! Но вместо написания обзоров ждет... работа наборщицей у грозной миссис Берд, автора полуживой колонки «Генриетта поможет». Многие письма читательниц остаются без ответа, ведь у миссис Берд свой список «неприемлемых» тем. Эммелина решает, что обязана помочь, особенно в такое тяжелое время. И тайком начинает писать ответы девушкам – в конце концов, какой от этого может быть вред?

«Радость от начала и до конца. «Дорогая миссис Берд» и рассмешит вас, и согреет сердце». Джон Бойн, автор «Мальчика в полосатой пижаме»

«Ободряющая и оптимистичная... своевременная история о смелости и хорошем настроении в трудной ситуации». The Observer

«Прекрасные детали военного времени, но именно голос автора делает этот дебют действительно блестящим. Трагикомедия на фоне падающих бомб – поистине душераздирающе». People

Содержание

Лондон, январь 1941	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	72
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Э. Дж. Пирс

Дорогая миссис Бёрд...

Лондон, январь 1941

Глава 1

Объявление в газете

Когда я увидела это объявление в газете, то подумала, что лопну от радости. День выдался хороший, несмотря на то, что Люфтваффе достали всех, не давая прийти на работу вовремя, а еще мне удалось заполучить луковку, что пришлась очень кстати для рагу. Но прочтя объявление, мне прямо-таки хотелось прыгать от счастья.

ВАКАНТНЫЕ ПОЗИЦИИ

МЛАДШАЯ НАБОРЩИЦА

Издательский дом «Лондон Ивнинг Кроникл» ищет внештатную младшую наборщицу. Требования: компетентность, желание и готовность работать, скорость печати 60 слов/мин, или 110/мин. при стенографировании. Срочно. Резюме присылать по адресу: миссис Г. Бёрд, Лонстон Пресс Лимитед, Бродстон-Хаус, Лондон Истерн-Сентрал 4.

Было пятнадцать минут четвертого, и день был одним из тех никудышных январских, когда солнце скрывается еще до

того, как окончательно проснется, и даже жилет с кофтой под пальто никак не греют. Сидя на втором этаже 24-го автобуса я смотрела, как выдыхаю стылый пар, когда дышу.

Я возвращалась домой с работы в адвокатской конторе Строумэна с намерением передохнуть перед ночной сменой на телефоне в пожарной части. Все колонки новостей уже были просмотрены, и теперь оставался лишь гороскоп, которому я не верила, но читала так, на всякий случай. Моей лучшей подруге Банти он сулил следующее: «Скоро вы будете при деньгах. Удачу принесет хорек» – многообещающе, а мое «Все когда-то наладится. Удачу принесет треска», – и рядом не стояло.

И вот я увидела его.

Втиснувшееся между джемоварами (опыт работы не требовался) и старшим специалистом по контролю качества на завод спецовок (предпочтение отдается кандидатам с рекомендациями).

Младшая наборщица в *Лондон Ивнинг Кроникл*.

В жизни таких чудес не видала.

Если и было что-то, чего я хотела больше всего на свете (разумеется, кроме того, чтобы кончилась война и Гитлер умер в мучениях), так это стать журналистом. А если еще точнее, то Военным Корреспондентом.

Последние десять лет, с тех пор, как в двенадцать я выиграла тур по редакции местной газеты за какое-то ужасное стихотворение, я только этим и жила.

Сердце безумно билось, стучалось сквозь жилетку, кофту и пальто, грозило выскочить прямо на колени к даме на соседнем сиденье. Работать у Строумэна было очень хорошо, и я радовалась тому, что у меня есть это место, но то, чего я хотела на самом деле – научиться быть репортером. Тем, у кого всегда блокнот под рукой, кто готов вынюхивать Политические Интриги, пулять Заковыристыми Вопросами в членов правительства, а лучше всего было бы успеть на последний борт, что улетает в далекую страну, и слать оттуда Репортажи с Места Военных Событий.

В школе учителя твердили мне, чтобы я остыла, не питая надежд, несмотря на то, что английский мне давался лучше всего. Мне так и не дали опубликовать в школьной газете открытое письмо по вопросам внешней политики премьер-министру.

Никакого воодушевления.

С тех пор я так и не отступилась от подобных мыслей, но найти работу, почти не имея опыта таковой, оказалось непросто, особенно потому, что я хотела попасть не куда-нибудь, а в газету на Флит-Стрит.

И вот мне повезло.

Я вновь проштудировала объявление, оценивая свои шансы.

Компетентность

Это про меня, хотя и непонятно, в чем она должна состоять. Неважно.

Желание работать

Я чуть не завопила на весь автобус.

Готовность работать

Если понадобится, я готова спать хоть на полу у них в офисе.

Скорей бы им написать!

Я нажала кнопку звонка, чтобы сойти на следующей, прозвучало веселое «дзинь», и автобус замедлил ход. Взяла сумочку с луковкой, сунула газету подмышку и, забыв на сиденье перчатку, поспешила вниз по лестнице.

«Спасибо», – крикнула я кондукторше, спрыгивая с задней подножки и едва не сбив ее с ног.

Автобус еще тормозил у аптеки «Бутс», продолжавшей работать, несмотря на выбитые на той неделе стекла, и его инерция меня подтолкнула. Приземлившись на останки тротуара, я понеслась домой.

Досталось не только аптеке. Нелегкие дни настали для всей улицы. От продуктовой лавки осталось только полстены и мусор, четыре квартиры по соседству разнесло полностью, а на месте магазинчика пряжи мистера Парсона зияла воронка. Пимлико все еще держался, но не без потерь.

Перепрыгивая воронки снарядов, словно барьеры, я пересекла улицу, по пути поздоровавшись с продавцом газет Боуном («Мне бы с такой фамилией мясником работать!»), перекладывавшего товар у своего киоска. На нем уже была его форма патрульного, и он дул на свои замерзшие пальцы.

– День добрый, Эмми, – отвечал он, на миг перестав дуть. – Читали утреннюю? На первой *такая* фотография Ее Величества.

Улыбка его была очень ясной. Самый жизнерадостный человек из всех, кого я знала. Неважно, насколько дурными были новости – он всегда подмечал что-то хорошее.

– Бегите-бегите, я же вижу, что вы торопитесь.

В другое время я бы задержалась, чтобы поболтать о том, каким выдался день. Мистер Боун иногда давал мне свежий выпуск «Пикчер Пост», если кто-то забывал забрать свой заказ, даже если должен был отправить его обратно издателю, но сегодня мне просто необходимо было попасть домой.

– На второй странице, мистер Боун, – благодарно ответствовала я, устремляясь прочь. – В «Кроникл» нужна младшая наборщица. Думаю, это то, что надо!

Мистер Боун всячески поддерживал меня в мечтах стать Военным Корреспондентом, хоть и переживал за то, что меня тянуло во вражеский тыл, и сейчас он расплылся в улыбке, торжественно потрясая вечерней газетой.

– Так держать, Эмми! – воскликнул он. – Удачи вам. Приберегу для вас сегодняшний «Таймс».

Я поблагодарила его, помахав свободной рукой, и помчалась к своей цели. Еще несколько минут, затем сразу направо, минуя двух престарелых дам, проявлявших неподдельный интерес к Уолтеру, продавцу печеного картофеля («Вы только взгляните, какие картохи, леди!»), в основном, пото-

му, что могли согреться, мимо чайной – и я дома.

Моя лучшая подруга Банти и я жили в квартирке под крышей дома ее бабушки, пятого от начала улицы. Случись бомбежка, и нам пришлось бы сломя голову бежать в укрытие в сад к Андерсону, но нас это мало беспокоило, ведь за жилье мы не платили.

Распахнув дверь, промчавшись по мозаичному полу прихожей, я взлетела по лестнице.

– Банти! – кричала я в надежде, что она услышит меня тремя этажами выше. – Ты не поверишь. У меня преотличные новости!

Когда я добралась до самого верха, из спальни явилась Банти. Она работала в Министерстве Обороны в ночную смену, и, облачившись в халат, терла заспанные глаза.

– Мы что, войну выиграли? – зевнула она. – В Министерстве ничего такого не говорили.

– Всеу свое время, – решительно заявила я. – Нет еще, но новости ничуть не хуже.

Я сунула ей газету.

– Что, джем варить будешь?

– Да нет же, тупица. Ниже читай.

Банти, ухмыляясь, пробежала глазами страницу.

– А-А-А-А, – закричала она. Всегда поддержит. – ВОТ ОНО, ЭММИ. ВОТ ТЕБЕ И РАБОТА!

Я яростно кивала.

– Ты правда так считаешь? Меня же возьмут, да? Да? –

тараторила я.

– Ну конечно. Ты с этим лучше всех справишься!

Банти, моя самая верная подруга на целом свете. Кроме того, очень деловая, и всегда дает волю чувствам. Как вот сейчас – сразу за дело.

– Значит так, напишешь им сегодня. Очередь займешь первой. Мистер Строумэн же даст тебе рекомендации, так? И капитан Дэвис на станции. Возьмешь мои лучшие туфли, потом вернешь. Уверена, тебя уже ждут репортажи с места событий.

Мы направились в гостиную, где на кофейном столике у кресла опасно балансировали две горы журналов и три кучи газетных вырезок.

– Не знаю, Бантс, – мне вдруг стало не по себе. – Мне кажется, у них там очень высокие требования, даже для младшего наборщика. Может, порепетируем?

Порывшись в сумочке, я извлекла блокнот, всегда лежавший там На Всякий Случай, пролистала до конца, где большими красными буквами было выведено «ПРИЛОЖЕНИЕ», и отдала Банти, с суровым видом устроившейся на диване.

– Садись вон туда, – она указала на самый неудобный стул во всей комнате. – Сделай вид, будто насторожилась. Итак... Я СТРАШНЫЙ ИЗДАТЕЛЬ, ВЕДУ СОБЕСЕДОВАНИЕ. МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ? – с нажимом продолжала она.

– Клемент Этли, – я расстегнула пальто. – Давай потруди-
нее.

Сидя на жестком стуле, я скрестила ноги, затем сдвину-
ла колени, рассудив, что на собеседовании слишком уж рас-
слабленной выглядеть не стоит.

– ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА? – гаркнула Банти,
глядя в блокнот, затем смягчилась, снова став прежней. –
Тебе подсказать?

– Нет.

– Ладно. – Бантс театрально глядела в окно.

– НИКАКИХ ПОДСКАЗОК, – крикнула я. – Сэр Джон
Андерсон.

Банти приняла невинный вид.

– Ты на убежище смотрела, – раздраженно бросила я. –
Не подсказывай.

– Прости. Люблю загадки. Давай полегче: министр продо-
вольствия?

– Лорд Вултон, – сказала я, рисуясь.

– ТЕФТЕЛИ ИЗ ПАСТЕРНАКА! – вскричали мы разом,
и тут же прыснули. Терпеть не могу пастернак.

– Я тут подумала, – протянула я.

– О чем? – подняла взгляд Банти.

– Как думаешь, что скажет Эдмунд? Мне кажется, он не
очень-то обрадуется.

Банти закатила глаза.

– Да его удар хватит, – ответила она.

Мы с Эдмундом были помолвлены. Сейчас он совершал подвиги на фронте. Встречаться мы стали, когда началась война, но знали друг друга уже очень давно. Он был настоящим мужчиной, но иногда становился настоящим занудой.

– Ладно, – сказала я. – Я напишу ему письмо вечером. Уверена, он не будет против.

– Ты все равно получишь эту работу, – заверила Банти. – Бог мой, а Дингл Фут кто?

– Несомненно, если меня возьмут. Он парламентский секретарь при... ммм...

Я задумалась, скривив лицо.

– Давай же, – подначивала Банти. – Ты сможешь.

– При министре военной экономики, – поспешно выпалила я.

Банти рассмеялась, и я вместе с ней.

– Хорошо получилось, – заметила она. – Готова поспорить, что тебя возьмут.

– Представляешь? – я уже видела, как рассекаю по Лондону в такси в поисках сенсаций. – Карьера журналиста!

– Для тебя в самый раз. – Банти всегда поддерживала любые новые начинания. – Как думаешь, станешь военным корреспондентом?

– Надеюсь, получится. – Я была рада ее поддержке, ведь я действительно хотела этого. – Буду носить брюки, а когда выиграем войну, накоплю на собственный автомобиль, и мы с Эдмундом снимем квартиру в Вестминстере, наверное, за-

курю, станем с ним ходить по вечерам в театр или болтать в Кафе де Пари.

Банти воодушевилась.

– Жду не дождусь, – проговорила она так, будто уже через неделю все это должно было случиться. – Если Уильям не сделает мне предложение, придется попробовать себя в политике.

– Бантс, это же чудесно, – впечатлилась я такой перспективе, даже несмотря на то, что все, что откладывала с зарплаты на почте, поставила бы на их свадьбу. – Не думала, что ты таким интересуешься.

– Не то, чтобы очень, во всяком случае, пока. Но я уверена, что многие члены парламента пожелают уйти на покой после того, как мы победим, да и на радио попасть всегда хотелось.

– Идея хорошая. И уважать тебя будут за министерскую работу.

– Ни слова об этом не скажу.

– Ну конечно.

Внезапно все предстало в лучшем свете. Я буду журналисткой, а Банти попадет на БиБиСи.

– Вот только, – добавила я, – военным корреспондентом меня пока никто не возьмет.

До сего дня мой опыт в журналистике состоял из трех статей, писанных в «Литтл Уитфилд Газетт» на летних каникулах. Хотя я в целом и была оптимисткой, в Берлин попасть

мне с этим не светило.

Стоит и вправду порепетировать. Это так взволновало меня, что не осталось и мысли об усталости.

– Итак, – поднялась я. – Подам заявление, затем пойду на станцию, попробую повидаться с капитаном Дэвисом. Не знаю, как работа телефонисткой поможет мне устроиться в «Ивнинг Кроникл», но это не помешает.

– Ерунда, – парировала Банти. – Самое то. Если ты можешь отвечать на звонки, пока Гитлер нас тут пытается взорвать, то уж точно блеснешь, когда будешь журналисткой на линии огня.

Она вновь взялась за газету.

– Давай-ка за дело, – поторопила она, передав ее мне. – Написано же: «срочно».

– О, Господи, – в легком изумлении воскликнула я, приняв газету из ее рук. – Поверить не могу, что это действительно может случиться.

Затем достала из сумки свою лучшую перьевую ручку и принялась за дело.

Дорогая миссис Бёрд,

Согласно объявления, данного вами в сегодняшней газете, прошу рассмотреть меня в качестве кандидата на должность младшей наборщицы...

Глава 2

Мистер Коллинз, редактор журнала

Неделя минула с тех пор, как я увидела то объявление, и теперь я ждала новостей, словно одержимая. Сегодня же я изо всех сил пыталась успокоиться.

На мне был строгий однобортный голубой саржевый костюм, мои лучшие туфли и черная шляпка набок, которую мне одолжила Банти. Я надеялась, что выгляжу представительно и готовой ко всему. Так, словно способна мгновенно оценить обстановку и добыть сенсационный материал, не подавая вида, что мое сердце вот-вот выскочит из груди.

Я направлялась в «Лондон Ивнинг Кроникл» на собеседование.

Не припомню такого холода на Новый Год, и можно было бы обойтись без него, но кое-кто говорил, что это отпугнет Люфтваффе, а значит, это хорошо. Если мороз – это все, что нужно, чтобы упал вражеский боевой дух, значит, недолго нам с ними воевать. Сегодня жизнь в Лондоне текла под низким, мрачным серым небом, похожим на свитер школьника-великана, который тот раскинул над Вест-Эндом.

Я взяла отгул на работе, и хотя дорога должна была занять не более часа, по пути пришлось проехать на двух автобу-

сах, чтобы не окоченеть на стылом ветру. Налетов не было, но даже если бы и были, я бы не отступила. Ни один гнилой фриц не посмеет стоять на моем пути в такой день.

Прибыв гораздо раньше назначенного времени, я стояла перед Бродстоун-Хаус, взволнованно глядя снизу вверх на огромное здание в стиле ар-деко.

Неужели я буду работать *здесь*?

Голова кружилась от этой мысли.

Задрав голову, придерживая шляпку Банти одной рукой, другой сжимая сумочку, я чуть не потеряла равновесие, когда за моей спиной кто-то раздраженно выпалил:

– Побыстрее можно? Дайте пройти!

Я обернулась на голос дамы внушительных размеров в шляпе, напоминавшей мужскую. Короткое фазанье перо придавало ей сельский колорит, птичья лапка вместе с кроличьей в виде броши сплелись на отвороте ее пальто. Она напомнила мне тетушку Тини, что уже в три года впервые поохотилась на куропаток и с тех пор постоянно подстреливала все, что садилось на изгородь.

– Извините, я просто...

Дама скорчила кислую мину и пронеслась мимо, от нее здорово несло карболовым мылом.

– ...загляделась.

Взглянув, как она несется вверх по ступеням, я почувствовала себя школьницей. Вот-вот раздастся звонок на урок физкультуры.

Я встряхнулась. Я здесь из-за работы, связанной с Серьезными Новостями и Жизненно Важной Информацией, а значит, надо собраться и идти вперед.

Сделав глубокий вдох, я в сотый раз посмотрела, который час, затем поднялась по широким мраморным ступеням навстречу вращающейся двери.

Внутри тоже было холодно, сияющий облицовкой холл внушал почтение. На стенах громоздились портреты угрюмых мужчин. Двухсотлетние издатели надменно смотрели с холстов на девушку в чужой шляпке, мечтавшую стать корреспонденткой. В любой миг кто-то из них мог презрительно фыркнуть.

Пытаясь не поскользнуться на отполированном полу, я проследовала к столу из красного дерева.

– Доброе утро. Я Эммелина Лейк, у меня назначено собеседование с миссис Бёрд.

Назвавшись именем, что мне дали при крещении, я надеялась прозвучать современно.

Девушка за столом одарила меня приветственной улыбкой.

– Вам на пятый этаж, мисс Лейк. На лифте подниметесь на третий, затем по коридору налево, два пролета вверх по лестнице и прямо через двойную дверь. Пройти можно без вызова.

– Спасибо, – улыбнулась я в ответ в надежде, что все в этом здании столь же милы.

– Пятый этаж, – повторила она. – Желаю вам удачи!

Меня подбодрила ее любезность, о конфузе с дамой на лестнице я почти забыла, и я присоединилась к двум среднего возраста джентльменам в длинных пальто, ожидавшим лифт в споре по поводу речи премьер-министра во вчерашнем вечернем эфире. Один, кипя, разглагольствовал о действиях союзных войск в Африке, размахивая руками и едва не уронив сигаретный пепел на своего товарища. Тот не слушал его, но время от времени сосредоточенно восклицал: «Ха!»

Я прислушалась, так как медная стрелка над дверью все еще указывала на четвертый этаж, и спор продолжался.

– Глупейший ход. У них нет шансов. Селасси вообще не понимает, что делает.

– Полный бред. Ты несешь какую-то чушь.

– Ха! Ставлю пять шиллингов на то, что ты не прав.

– Стыдно будет у тебя их брать.

Я так и уставилась на них, и тот, что с сигаретой, посмотрел на меня:

– А вы что скажете, куколка? Эритрее конец? Стоит нам вообще о ней беспокоиться?

Бог мой, меня спросили о политике. А я даже еще не прошла собеседование.

– Ну, – ответила я, чувствуя, что вполне готова, – я не уверена полностью, но если господин Черчилль полагает, что это хорошая идея, то я считаю, что стоило бы атаковать их

с суданской территории.

Мужчина чуть не подавился сигаретой. Его приятель на миг замялся, а затем загоготал:

– Так-то, Генри! Они вовсе не такие глупые, какими кажутся.

– Каждый может повторить то, что слышал на радио, – усмехнулся второй.

– Я прочла об этом в «Таймс», – возразила я, и это было правдой. Ответа не последовало, но спор возобновился, едва подали лифт.

Я зашла за ними в кабину, вежливо попросив лифтера подняться на третий этаж. Затем подняла взгляд и почувствовала, как меня обдало волной высокомерия. Да уж, путь к должности военной корреспондентки легким не будет. Неудивительно. Мама всегда говорила, что «если у тебя грудь отросла, то мужчины держат тебя за дурочку». А еще, что самое разумное – притворяться таковой и затем однажды доказать, что это неправда.

Я любила маму, особенно когда она говорила что-то вроде «грудь отросла» прилюдно, а отец закатывал глаза, хватаясь за сердце для пущего эффекта.

Мысль о родителях придала мне сил, и, доехав до третьего этажа, я покинула лифт, направившись вверх по лестнице. На мгновение я задержалась в пролете, чтобы припудрить носик и спрятать шальной локон за ухом, а затем помедлила перед двойной дверью, что вела на собеседование к миссис

Бёрд.

Глубокий вдох, плечи назад. Ну, держись.

Толкнув дверь, я оказалась в темном, узком коридоре, разительно отличавшемся от модного вестибюля с высокомерно глядящими портретами внизу. Как меня и предупреждали, секретаря здесь не было, и я не понимала, куда идти дальше – передо мной была вереница дверей, все, кроме двух, были закрыты, и кроме стука клавиш оттуда не доносилось ни звука. Я ошиблась, представив, что здесь меня ждет бурлящий зал с людьми вроде тех шишек у лифта. Быть может, все были на выезде, а может, я ошиблась днем?

Сжимая сумочку, я заметила полуоткрытую дверь справа и подумала, не прозвучит ли осторожное «здравствуйте, есть здесь кто-нибудь?» чересчур прямолинейно.

Отбросив эту мысль, я решила постучаться в одну из дверей. Уж если я получу эту должность, мне, может быть, придется звонить в Америку и просить, чтобы соединили с Белым Домом. Слабонервным здесь не место.

На двери справа красовалась табличка с аккуратно выведенным «Мисс Найтон». На стене рядом висел модный плакат в рамке, на котором женщина радостно наступала в лужу. Не знаю, как это было связано с Важными Событиями в Мире, но каждому свое. На стене напротив был похожий плакат, но на нем была смеявшаяся над котенком женщина в летнем платье.

Я нахмурилась. Животных я любила, но что в подобном

заведении делают эти картинки в Столь Тяжкие Дни? Здесь был бы впору королевский портрет или кого-то из военных министров.

Все же это могло означать, что здесь работают веселые люди, и это слегка приободрило меня.

Веселые или нет, но тишина стояла необычайная.

– МИСС НАЙТОН!

Так.

Крик принадлежал мужчине и доносился из второй приоткрытой двери чуть дальше по коридору.

– МИСС НАЙТОН! О, Боже мой! Куда, черт побери, она делась? Я как со стенкой говорю. НЕВАЖНО, Я САМ СПРАВЛЮСЬ!

Раздался грохот, затем треск.

– Бог мой... Идиот.

– Эй! – воскликнула я, направляясь к источнику шума. – С вами все в порядке? Могу я помочь?

– Разумеется, я в порядке. Кэтлин, это ты? Подожди.

Послышалось шарканье, и вдруг в коридор вывалился худощавый джентльмен сорока с небольшим лет. На нем были приличные твидовые брюки и жилет, но приличия на этом кончались – рукава рубашки были закатаны, каштановые волосы были нестрижены, и все руки были в чернилах.

Он, должно быть, журналист. Как захватывающе! Даже несмотря на столь убийственный вид.

Журналист, не представившийся, но увидевший, что я во-

все не мисс Найтон, отбросил прядь волос с лица, перепачкав чернилами лоб. Я сделала вид, что ничего не заметила.

— Как у вас дела? — громко спросила я. Всегда говорю громко, когда нервничаю. — Я Эммелина Лейк. У меня собеседование с миссис Бёрд.

— Господи. — Он встревоженно посмотрел на меня. — Что, уже?

Я энергично улыбалась, надеясь, что улыбка выходит интеллигентной. По меньшей мере, он, кажется, знал, что я должна была явиться.

— Мне назначено в два, — я попыталась помочь ему вспомнить.

— Что ж, боюсь, ее сейчас нет. Ее никогда нет на месте, что хорошо. И на том спасибо. Сочувствую тем, в чью пользу она занимается благотворительностью, бедным или кому там еще, но говорю, как есть.

Он замолчал. Мое сердце ушло в пятки. Я как безумная читала все газеты со дня, когда увидела то объявление, и мною владело лишь одно — Повестка Дня.

— Вот как, — ответила я, пытаюсь оставаться невозмутимой.

— Значит, вы на собеседование, мисс...

— Лейк. Да. Что, если я подожду? — Я оглядела коридор в поисках места, где можно было присесть, но он был пуст.

— Не беспокойтесь об этом, — беззлобно ответил он. — Боюсь, собеседование придется провести мне.

Боже мой.

– Но у меня все руки в этих проклятых чернилах!

Я решила не говорить ему, что и лицо тоже, чтобы не провоцировать на новые ругательства, но, порывшись в сумочке, извлекла оттуда платок. Это был рождественский подарок от моей сестры Фейт с вышитым цветком и моими инициалами. Для мужчины не очень подходит, но в исключительных случаях сгодится.

– Благодарю. Вы предотвратили катастрофу. – Он принялся уничтожать плод труда Фейт. – Так-то лучше. Что ж, пройдемте.

Я проследовала за ним, взглянув на табличку на двери:

Мистер Коллинз, редактор журнала

– Осторожнее, они тут повсюду, – предупредил меня человек, от которого зависела моя карьера, и я вошла в кабинет. Подобного беспорядка мне видеть еще не доводилось.

Мистер Коллинз втиснулся на свое место за столом, заваленным книгами и газетами, здесь же стояла переполненная пепельница и перевернутая чернильница. Драматизм обстановке придавала единственная лампа-англемпаз на кронштейне, выглядевшая так, как будто ее привезли с закрытого завода медицинского оборудования.

На полу у его стола я заметила бледно-голубую промокашку и, наклонившись, подала ее ему так, словно это были мои

рекомендации.

— Да, да, это то, что нужно. — Он слегка промокнул черни-
ла, и вид у него был удрученный.

Через несколько мгновений, пока я осматривалась, раз-
мышляя, всем ли журналистам свойственно использовать
полупустую бутылку с бренди как подпорку для книг, он тяж-
ко вздохнул, махнув рукой на весь бардак, и посмотрел на
меня.

— Итак, — начал он. — Покончим с этим. Что ж, мисс Эм-
мелина Лейк, прибывшая аккурат к двум часам на разгово-
р к миссис Бёрд, владелица маленького, но столь полез-
ного платочка...

Невзирая на всю нескладность, редактор ничего не упу-
стил.

— Скажите мне, — продолжал он. — Что, во имя всего свя-
того, могло сподвигнуть вас устроиться на работу *сюда*?

Я не думала, что собеседование начнется подобным обра-
зом.

Я вспомнила, как мы с Банти репетировали дома.

— Я усердно работаю, печатаю шестьдесят пять слов в ми-
нуту, а стенографирую со скоростью сто двадцать пять...

Мистер Коллинз подавил зевок, слегка сбивший меня с
толку, но я не останавливалась.

— В моих рекомендательных письмах сказано, что я очень
способная и...

Он прикрыл глаза. Определенно, это казалось ему скуч-

ным. Я попыталась придать себе еще немного важности.

– Я работала в адвокатской конторе последние два года, так что...

– Об этом не беспокойтесь, – прервал он меня. – Давайте к делу.

Я собралась, готовая к вопросам о действующих членах правительства.

– Вас легко напугать?

Потрясающе. Он перешел прямо к делу. Я вообразила, как во время налета разъезжаю по Лондону и беру интервью у горожан.

– Не думаю, – ответила я, считая, что он сочтет меня невероятно храброй (признаться, это я еще не проверяла).

– Хмм. Увидим. Под диктовку хорошо пишете?

Или, как тень, следуя за Главным Корреспондентом, ловлю каждое его слово, пока мы добываем сведения Государственной Важности.

– Несомненно. Сто двадцать пять...

– ...слов в минуту, да, вы уже говорили об этом.

Учитывая, что он занимал руководящий пост, казалось, что мистер Коллинз очень удивлен. Я рассудила, что, если бы я была главным редактором, стремящимся перегнуть время в борьбе с безжалостным дедлайном, проводить собеседования на должность младших сотрудников было бы скучно. Неудивительно, что в его кабинете был такой бардак. Нелегко было бы следить за всем, особенно если мисс Най-

тон столь ненадежна.

Должно быть, он очень устал.

Мысли роились в моей голове. Быть может, это работа для меня? Помогать мистеру Коллинзу сдавать все в срок. Печатать то, что надиктовывают Осведомители, которых он заставляет добывать важнейшие сведения. Напоминать, что в десять у него встреча с секретарем Парламента. Разумеется, неофициально.

– А это, в свою очередь, означает, что вы справитесь со сварливой старухой... в сущности, настоящей старой калошей?

С кем?

Я случайно потеряла нить разговора.

Не понимаю, какое отношение старые калоши имели к «Ивнинг Кроникл», но я не расслышала начало вопроса и должна была оправдаться. Я вспомнила свою бабушку, которая, по словам отца, ни разу не улыбнулась с прошлой войны.

– О да, – заверила я его. – Я отлично умею ладить со старыми... эмм... с подобными дамами.

Мистер Коллинз повел бровью, почти улыбнувшись, но передумал, выудив портсигар из кармана жилета.

– Что ж, – резюмировал он. – Вероятно, вы нам подходите.

Опершись на локоть, он прикурил, сделал длинную затяжку и ухмыльнулся.

– Слушайте, мисс Лейк. Вы очень милы.

Я старалась ничем не выдать своего восторга.

– Вы точно уверены? Прошлый кандидат продержался неделю. Позапрошлый – до перерыва на чай. Примите во внимание, отчасти это было из-за меня. – Он помедлил. – Мне говорят, что я постоянно кричу, – пояснил он.

– Уверена, это не так – солгала я, вспомнив, как он звал на помощь мисс Найтон. Да и слово...

– Ммм?

– ...не обух, головы не разобьет, – закончила я.

Мистер Коллинз вновь посмотрел на меня, и я чувствовала, что он о чем-то сознательно умалчивает. Наконец он кивнул, сжав губы.

– Думаю, вы подойдете, – заключил он. – Полагаю, что справитесь. Когда сможете начать?

Если я все поняла правильно, сегодня был лучший день в моей жизни.

– Боже... – у меня не очень-то получалось выглядеть невозмутимой, как было задумано. Я попыталась еще раз.

– Благодарю вас, сэр. Большое спасибо. Мне нужно будет отработать две недели на старом месте, если вы не возражаете.

На лице его мелькнула тень улыбки.

– Ничуть, уверяю вас. Но не знаю, будете ли вы столь же благодарны, когда начнете работать здесь.

«Ставлю что угодно, что да», – думала я тогда, но как почти официально зачисленная в штат сотрудница газеты, оставалась невозмутимой. Мистер Коллинз был чудакова-

тым, и я была уверена, что его предостережения – просто часть образа.

– Спасибо вам, мистер Коллинз, – мы обменялись рукопожатием. – Обещаю, что не подведу вас.

Глава 3

Искренне ваша, миссис Г. Бёрд

Оглядываясь назад, я понимаю, что совершила ошибку, не задав мистеру Коллинзу ни единого вопроса о характере предстоящей работы.

Но вспоминая его поиски мисс Найтон, и вопросы о старых калошах, и чувства, владевшие мной, впервые попавшей в офис редактора, неудивительно, что я попросту забыла это сделать. Вот почему, когда через две недели я в волнении явилась на новое место работы в новом коричневом клетчатом костюме, перешитом из старого сестриного, вооруженная любимой перьевой ручкой, тремя новенькими карандашами и запасным платочком в сумочке, я слегка растерялась.

В Лонстон-Пресс я прибыла минута в минуту, а в руке моей было чудеснейшее письмо во всем свете.

*Лонстон Пресс Лимитед,
Бродстон-Хаус,
Лондон, Истерн-Сентрал 4.
Среда, 8 января 1941 года*

Дорогая миссис Лейк,

Согласно результатов вашего собеседования у мистера Коллинза, я подтверждаю ваше назначение на должность младшей наборщицы. К работе вы

приступите в понедельник, 20 января 1941 года.

Ваш рабочий день будет длиться ежедневно с девяти часов утра до часу дня. В него входит десятиминутный перерыв на чай, но не перерыв на ланч.

Ваша заработная плата составит восемнадцать шиллингов девять пенсов в неделю. Ежегодный оплачиваемый отпуск составляет двенадцать дней.

В день, когда вы выходите на работу, я, миссис Бёрд, буду ждать вас ровно в девять в своем офисе.

Искренне ваша,

и. о. редактора,

Миссис Г. Бёрд.

И.о. редактора! Я и подумать не могла, что миссис Бёрд занимает столь важный пост и что я буду работать с ней. Более того, редактор – леди! Я была крайне впечатлена.

Да, пусть большую часть мужчин призвали на фронт, но отдать столь важный пост женщине? Прогрессивно. Написав Эдмунду о своей новой должности, я ожидала, что он издевательски отнесется к редактору-женщине, но он, к моему удивлению, не проявил к ней никакого интереса, не говоря уж о насмешках.

На этот раз, прибыв в Бродстон-Хаус, я больше была взволнована, нежели нервничала. Взбежала бы по лестнице вприпрыжку, если бы позволили туфли – но разумнее было воспользоваться лифтом в попытке явиться триумфально и с фанфарами.

Как младшая наборщица, я начинала с самых низов, но

ничуть не смущалась. В моем воображении возникали картины приятельства с газетчиками-весельчаками, обсуждения текущих событий с перерывом на тяжкий труд сумасшедшей печати и молниеносной стенографии, чтобы сдать номер в срок. Быть может, со временем представится возможность предложить свою идею для раздела новостей или подменить кого-то, кто так некстати заболел, на месте ужасного преступления или опустошительной бомбардировки. Я поклялась всегда носить блокнот с собой на всякий случай.

Во всеоружии я прибыла на пятый этаж, готовая к отправке туда, где было не так тесно и темно, туда, где в своем офисе ждала меня миссис Бёрд. Я бы смогла работать и в каморке уборщицы, но готова поспорить, что исполняющая обязанности редактора должна была иметь большой офис с большим столом.

Утром понедельника здесь, наверное, кипела работа, так как на прошлой неделе не прекращались бомбежки и мрачных новостей было без счета. Я старалась не думать о том, что мне придется писать о подобных вещах. Это было наименьшее из того, что я могла сделать.

Оставив в стороне подобные мысли, я с радостью услышала, как стучат клавиши машинки в кабинете мисс Найтон. Она печатала *очень* быстро.

Рискуя помешать ее важнейшей работе, я постучала в дверь, извиняясь, заглянула внутрь.

– Здравствуйте, – раздалось в крохотной комнатке. – Про-

шу прощения за беспокойство, я новая младшая наборщица. Не подскажете, на каком этаже я могу найти миссис Бёрд?

Мисс Найтон, моя веснушчатая ровесница с прекрасными зелеными глазами и ужасной прической, окинула меня бесцветным взглядом.

– Этаже?

– Да, на каком этаже ее офис?

– Ну-у... – протянула она, словно вопрос ставил ее в тупик, – на этом.

Мисс Найтон, как мне казалось, была слишком молода для подобных шуток, но я, будучи новенькой, поблагодарила ее. Не стоит выбиваться из коллектива, если хочешь найти поддержку.

– Дверь напротив, – добавила она, – та, что без таблички. Отвалилась на прошлой неделе, ее никто так и не починил... – Последние слова она проговорила шепотом, как будто речь шла о тяжком преступлении.

Она громко ойкнула, едва не подскочив на стуле – в коридоре резко хлопнула дверь, и она принялась за работу еще усерднее прежнего. Намек был ясен, и я, устремившись на выход, налетела прямо на новоприбывшую.

– Бог мой, – пробормотала я, отступив назад и оглядев мрачную фигуру. – Мне так жаль.

– Мне тоже, – процедила та. – Вы мне на ногу наступили.

Я посмотрела на отполированный до блеска сапожок, на котором красовался отпечаток моей подошвы, стараясь не

терять лицо. Я узнала ее мгновенно, ту самую леди на лестнице, на которую наткнулась в день собеседования. На ней была все та же шляпка с пером, и лицо ее сейчас напоминало Черчилля с обложек тех дней, когда Гитлер дал ему прикурить.

Она тоже узнала меня, и мой оптимизм почти растаял.

Нервы у меня крепкие, но в тот миг я была на грани истерики. Я вновь взглянула на ее сапожок в ожидании скандала.

– Мне действительно очень жаль, – пролепетала я. – Я – Эммелина Лейк, у меня назначена встреча с миссис Бёрд.

Отбросив всяческую осторожность, я ослепительно улыбнулась. Со стороны, должно быть, я выглядела полной идиоткой.

– Миссис Бёрд – это я, – провозгласила дама.

– Приятно познакомиться! – просияв, вскричала я, в попытке выразить удивление, взволнованность и безмерное уважение одновременно.

Миссис Бёрд уставилась на меня так, словно я свалилась с луны. Она была внушительной дамой лет шестидесяти, с длинной головой, мощной квадратной челюстью и волнистыми седыми волосами. Она походила на королеву Викторию в последние годы жизни, но черты лица ее были более жестокими. Трудно было не бояться такой женщины.

– Итак, мисс Лейк, вы всегда заводите знакомства, сбивая людей с ног? Ждите здесь, – бросила она прежде, чем я ответила. – В этом пальто чересчур жарко.

С необычайной для ее габаритов и возраста проворностью она развернулась на каблуках, направившись в офис напротив и закрыв за собой дверь.

Я стояла в холодном коридоре, и мое сердце трепетало. Этот день должен был стать началом моей блистательной карьеры. Пока же все походило на нелепую ошибку.

Спустя какое-то время раздалось громогласное «Можете войти» – обладательница подобного голоса явно считала мегафоны признаком слабости.

В офисе издателя мне бывать еще не приходилось. Я ожидала, что он будет походить на холл внизу: увешан портретами покойных издателей, с большим столом из красного дерева и внушительным шкафом с серебряными подносами и хрустальными графинами для чествования отличившихся на новостном поприще журналистов.

Задрав подбородок, я сделала вид, что все вокруг меня ничуть не удивляет.

Но удивиться было чему. Кабинет был почти таким же, как у мистера Колинза, за исключением того, что здесь было окно и не было такого бардака, и миссис Бёрд восседала не в огромном кожаном кресле за таким же столом, а за вполне обыкновенным, сделанным не из леса, что сплавляют по Амазонке.

Окно занимало половину задней стены и было открыто наполовину, невзирая на январь, и внутрь врвался холодный ветер. Миссис Бёрд это ничуть не беспокоило. Она уже

избавилась от шляпы и пальто, взгромоздив их на вешалку в углу.

Помимо несгораемого шкафа для бумаг и двух секретарских стеллажей, в комнате не было ничего лишнего – необычайная строгость для той, что стояла у руля подобной газеты. Стол почти что пустовал, за исключением чернильницы с зеленым кожаным кантом, телефона и большой рамки с фотографией миссис Бёрд у живописного озера, где ее, одетую в свитер из плотной шерсти и кожаные перчатки, окружали охотничьи собаки, глядевшие на нее с тупой покорностью.

– А, – заметила миссис Бёрд. – Мои мальчики. С пудингом вместо мозгов.

На ее лице читалось, что она голыми руками удавит любого, кто посмеет к ним притронуться.

– Совершенно безмозглые, – добавила она. Грудь ее горделиво вздымалась.

– И все ваши, миссис Бёрд? – я прошупывала почву.

– Все мои, – отвечала она. – Дам вам совет, мисс Лейк. – Она угрожающе подалась вперед. – Собаки как дети. Шумные, поддаются дрессировке и пахнут так, что гостя в дом не введешь. – Она поморщилась. – У меня их восемь.

Я вновь взглянула на фотографию.

– Собак, – уточнила миссис Бёрд. – Что касается детей – хватит четверых. Больше только у католиков и рабочих.

Я кивнула, не зная, что ответить. Миссис Бёрд не останавливалась:

– В Германии, разумеется, моих мальчиков бы уже давно не стало. Двадцать один дюйм в холке. Чуть выше – и всех бы убили, ведь они не немецкие овчарки. – Она бахнула кулаком по столу.

– Это ужасно, – я вспомнила Брайана, немецкого дога моей тетушки Тины, любимца всей нашей семьи. Интересно, смог бы он научиться ползать?

– Нацисты такие, да. – Миссис Бёрд выглядела угрожающе.

Я вновь кивнула. Фюрер еще не знал, с кем ему придется иметь дело.

– Так, – миссис Бёрд прокашлялась. – Хватит болтовни. Миссис Лейк, вы уже работали в журналах?

Назвать «Литтл Уитфилд Газетт» журналом было бы чересчур.

– Не совсем так, – ответила я. – Но работать в редакции газеты хотела всегда. Надеюсь однажды стать военной корреспонденткой.

Карты на стол – я почувствовала, что очень осмелела.

– Новости, значит?

Весь Лондон последние несколько месяцев жил под огнем вражеских орудий, и я слегка опешила. Я решила, что миссис Бёрд склонна преуменьшать важность происходящего.

– Ведь идет война...

– Война? О войне здесь речи нет. Вы же знаете, что должны печатать письма?

– Письма?

Я смутилась.

– Мистер Коллинз сказал вам, в чем будет заключаться ваша работа? – Ее указательный палец раздраженно барабанил по столу.

Я задумалась. Ведь я не спросила его об этом. Я вообще ни о чем его не спрашивала.

– Печатать письма, – я подумала вслух, вместо ответа на ее вопрос.

– Верно. И все остальное, что я сочту необходимым.

– Печатать, – повторила я.

Миссис Бёрд посмотрела на меня так, словно я была идиоткой, и я подумала, что она, может быть, не так уж далека от истины.

– И все? Я не буду, эмм, помогать репортерам?

В комнату ворвался ледяной порыв ветра, придав происходящему оттенок театральности.

– Что за чушь? – гавкнула миссис Бёрд. – Вы – младшая наборщица! По-моему, все предельно ясно, мисс Лейк.

Я попыталась сосредоточиться. Что-то было не так. Я ничего не имела против того, чтобы много печатать, наоборот, я ожидала подобного. Стенографировать. Помогать репортерам. Учиться у них.

Я глубоко вздохнула. Нельзя подвести мистера Коллинза в первый же день. Ему я была обязана своим новым местом работы. Так или иначе, он все же перечислил мои обязанно-

сти. Просто я его не слушала.

Я собралась. Ничего, что работа не такая захватывающая, как мне виделось. Все же я в «Лондон Ивнинг Кроникл». Среди журналистов. Пусть потребуется время, я просто буду работать так усердно, как смогу.

– Да, миссис Бёрд, – я пыталась выглядеть воодушевленной. – Нет. Да. Конечно.

Чувствовала я себя совершенно иначе.

Миссис Бёрд по-прежнему барабанила по столу пальцами.

– Хмм, – протянула она в совершенной уверенности, что мистер Коллинз нанял дурочку. – Увидим, как вы справитесь. Мисс Найтон всему вас научит. Сегодня вы должны подписать соглашение о конфиденциальности и неразглашении. Ни слова о том, что в письмах, не покинет этот офис. Если там будет что-то из ряда вон выходящее, оно немедленно отправится в корзину для бумаг. Вам все ясно?

– Так точно, – выдавила я, так как не ясно было ничего. «Конфиденциальность» и «из ряда вон», впрочем, звучали волнующе. О войне здесь, может быть, и не писали, но о важных новостях иного рода – определенно.

– Хорошо. Если у меня для вас ничего не будет, станете помогать мистеру Коллинзу. Мисс Найтон подскажет, если что. – Миссис Бёрд посуровела. – Я очень занятой человек, и у меня есть иные обязанности, – мрачно прибавила она.

– Разумеется, – почтительно согласилась я. – Благодарю вас.

Она взглянула на часы.

– Опаздываю. Всего хорошего, мисс Лейк.

Я чуть было не сделала книксен, но вовремя вспомнила, что миссис Бёрд не моя директриса, и вышла в коридор, шагая, как паралитик. Она проводила меня глазами, пребывая в полной уверенности, что меня подослал кто-то из правительства.

Все получилось немного не так, как я надеялась. И все же...

Соглашение о конфиденциальности. Ни слова вне офиса. Увидим, как вы справитесь.

Это был лучший день в моей жизни.

– Меня зовут Кэтлин, – скромно представилась мисс Найтон, когда я зашла в ее крошечный кабинет. – Надеюсь, мы подружимся.

Кэтлин была дружелюбной и энергичной, хоть и говорила полупшепотом. Было трудно представить, как она может совладать с громогласной миссис Бёрд. Ее рыжие кудри прыгали, как пружинки, когда она говорила, топорщась, будто она сунула пальцы в розетку.

– Спасибо, я тоже. Пожалуйста, зовите меня Эмми. У вас чудный свитер.

– Связала на выходных, – зарделась она, нервно посмотрев на дверь. – Миссис Бёрд не у себя? Она болтовни не переносит. – Кэтлин забеспокоилась. – Когда кто-то увольня-

ется, я работаю за него и поэтому могу всему вас научить. Вон тот стол ваш.

Потрепанный дубовый стол Кэтрин стоял напротив двери, а мой был втиснут аккурат за ней. У каждого стола ютился высокий деревянный стеллаж с ящиками для документов, и на рабочее место приходилось буквально втискиваться. На стеллаже Кэтлин стоял цветочный горшок, почти закрывавший мне доску с календарем, где каждый четверг был обведен в кружок, вырезками из журналов про вязание и списком имен с телефонными номерами. У каждого стола было по три ящика, и на каждом стояла пишущая машинка. Моя была огромной, старинной, зеленого цвета, с золотыми буквами «Корона» на крышке. На ней было всего три ряда клавиш, и казалось, что нужен таран, чтобы с ней справиться. Я была уверена, что она повидала Первую мировую, а потому была надежной. Я села за стол, достав карандаши.

– Кэтлин, а какие статьи пишет миссис Бёрд?

Кэтлин смутилась.

– Статьи? – переспросила она. – Это же *миссис Бёрд*, – добавила она, как будто я ждала за дверью, пока всем раздавали мозги.

– Ну-у, – я попыталась придать тону небрежность, не сойдя при этом за дурочку, – она говорила, *ни слова вне офиса*, – и продолжала, чуть тише: – Она работает на разведку?

Кэтлин определенно привыкла к тому, что ей задают подобные вопросы. Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Прошу прощения?

Прическа у нее забавная, но девочка – настоящий профессионал. Вуаль секретности не спадала.

– Конечно, – рассудила я, с нежностью думая о своей новой должности. – Не стоит нам говорить о подобных вещах. У стен есть уши, даже здесь.

Кэтлин поморщилась, вздернув носик. Она выглядела так, словно считала что-то в уме. Я не была против секретности, но если так будет продолжаться, никакого разговора не выйдет.

– Я поняла, – ответила она в конце концов. – Боже мой. Я поняла, почему взяли именно вас. Вы умеете хранить тайны.

Я почувствовала, что краснею от ее похвалы.

– Ну да, стараюсь, – героически подтвердила я.

– Соглашение вам все равно придется подписать. – Она порылась в ящике. – Вот, возьмите.

Я, ... [фамилия, имя], сотрудница Лонстон Пресс Лимитед, обязываюсь хранить в строжайшей тайне все сведения, содержащиеся в письмах от читательниц журнала «Женский День». Я не стану воспроизводить ни их содержание, ни ответы на них ни в устной, ни в письменной форме за пределами Лонстон Пресс Лимитед или сообщать эти сведения кому-то, кроме постоянных сотрудников журнала «Женский День».

Подписано:

Эмелина Лейк (понедельник, 20 января 1941 года)

[фамилия, имя, дата]

Кажется, Кэтлин дала мне не то соглашение. Как нелепо.

– Извините, но здесь, кажется, что-то про какой-то «Женский День»?

– Ну да. – Она ободряюще улыбнулась. – Так и есть. Об этом говорить не запрещено. Ничего сверхсекретного, но не стоит никому болтать о том, что нам пишут. Миссис Бёрд за этим строго следит. – Она помедлила. – Разумеется, иногда пишут о *чем-то очень личном*, вы же понимаете.

Я улыбнулась ей в ответ, не поняв ничего.

Кэтлин приняла мое молчание за знак согласия.

– Не волнуйтесь, Эмми, – приободрила она меня. – Миссис Бёрд не отвечает на всякие пошлости, и вам будет совсем не тяжело.

Я посмотрела на полку справа от Кэтлин. Она была забита периодикой. Меня осенило: одна из нас крупно ошибалась.

– Кэтлин, а чем на самом деле занимается миссис Бёрд?

Кэтлин, смеясь, вытащила с полки один из журналов.

– Вы, конечно же, слышали про «Генриетта Бёрд поможет»? Она ведет колонку в «Женском Дне»... ОНА ЕЕ ВСЕГДА ВЕЛА. Вот, на предпоследней странице.

Она подала мне журнал.

– Мне жаль, но женских журналов я не читаю. А какая здесь связь с «Ивнинг Кроникл»?

Кэтлин вновь рассмеялась, но осеклась, вздохнув.

– О нет. Вы же не думали, что будете работать в «Ивнинг Кроникл»? Боже, да неужели?

– Но ведь это и есть «Ивнинг Кроникл», – парировала я в надежде.

– Нет. Они там, внизу, где побогаче. Мы тоже принадлежим Лонстон, но никто из них даже не разговаривает с нами. Мы что-то вроде паршивой овцы.

При подобном отношении она выглядела слишком оптимистичной.

– Ой, это же я набирала то объявление. Там про это ничего не было сказано, ведь так?

Я взглянула на обложку журнала. Пышнее пунша, уродливым, старомодным шрифтом там красовалось следующее:

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Для современной леди

**Свяжите себе прелестные
салфетки для туалетного столика!**

Схема вышивки прилагается.

Под заголовком было изображение чего-то кружевного. Оставшуюся часть обложки занимала фотография женщины с непропорционально большим ребенком на руках и подписью, гласившей: «Сестра МакКлей советует: «Откройте окно, пусть младенец дышит»!

Для середины января совет так себе, но я в подобных делах не эксперт. Я попыталась осознать случившееся.

– Миссис Бёрд больше двадцати лет вела колонку советов в «Женском Дне», – терпеливо объясняла Кэтлин. – Самый Любимый Редактор по версии читателей. Вернулась из увольнения, когда при бомбежке погиб мистер Харрисон. Он

был нашим редактором.

Я неотрывно глядела на гигантского ребенка.

– Эмми, – продолжала Кэтлин тоном, которым говорят с теми, кто слегка не в себе. – Вы должны будете печатать письма для колонки советов.

Я кивнула, не в силах что-либо сказать. Кэтлин ждала, пока я переварю информацию.

Наконец, я изобразила подобие улыбки, означавшей, что все тип-топ.

Но все было совсем иначе. Мой дух входил в крутое пике.

Кэтлин предложила мне осмотреться, и я попыталась собраться с мыслями. Это даже близко не походило на первый шаг журналистской карьеры. Я была в миллионе миль от репортеров и звонков в Белый Дом.

Я устроилась на работу *совсем не туда*.

Глава 4

Миссис Бёрд поможет

Кэтлин провела что-то вроде «тура свистка» по этажу «Женского Дня», и я следовала за ней по унылому коридору из кабинета в кабинет, лихорадочно размышляя. Какой туницей нужно быть, чтобы оставить надежное место в юридической конторе ради того, чтобы перепечатывать дурацкие письма в женском журнале? Да еще в таком, который, если верить моей новой сотруднице, находился на последнем издыхании.

— Когда у нас работало больше журналистов, все сидели вот здесь, а сейчас тут пусто.

Проходя мимо офиса мистера Коллинза, по ее словам, запертого, Кэтлин открыла следующую дверь справа.

— У машинисток был свой кабинет дальше по коридору. А теперь остались только мы.

Я заглянула в бывший офис журналистов, длинный, узкий, с двумя рядами пустующих столов, стоявших друг напротив друга, будто готовых к борьбе. Стол у самой двери был завален коробками, что противоречило всяческим правилам пожарной безопасности, но остальные были совершенно голыми — ни машинок, ни чернилниц, ни бумаги. На досках вдоль стен все еще висели газетные вырезки, следы

некогда бурлившей в этом улье жизни. Некоторые из них уже пожелтели, и загибались по краям, и в комнате стоял странный запах – затхлая смесь ароматов табака и сэндвичей с сыром и огурцами.

– Давно здесь так пусто?

Кэтлин скрестила руки на груди, задумавшись.

– Очень. Все, кто остался, объединились, новых сотрудников не берут. Мистер Коллинз пишет статьи, и еще кое-кто со стороны по найму. Так дешевле. Пойдемте, познакомимся с остальными.

Она зашагала обратно по коридору. Я взглянула на часы. Двадцать минут десятого, а мистера Коллинза все еще нет. Словно я попала в музей, закрытый на ночь.

– Эта сторона коридора наша. Напротив отдел рекламы. То есть мистер Ньютон. – Кэтлин понизила голос, проходя мимо очередной двери. – Работы у него немного. А вот тут художники. Они отвечают за иллюстрации и выкройки платьев. – Она постучала в дверь и вошла, не дожидаясь ответа.

– Доброе утро, мистер Брэнд. Как ваши дела? Вот наша новая наборщица, мисс Лейк.

Вслед за ней я вошла в кабинет, который был таким же унылым, как и остальные, но где хоть что-то происходило. Пожилой мужчина в очках с толстой черепаховой оправой и густо набриолиненными волосами работал над драматической сценой: мужчина в форме моряка держал на руках женщину в обмороке.

– Как *ваши* дела? *Еще вчера мы смеялись.*

Необычное приветствие, но он определенно Личность Творческая.

– Здравствуйте. Простите, но... вы смеялись?..

– *Еще вчера.* Это история, над которой я сейчас работаю.

Пойдет в следующий номер на тематическую.

– Ясно, – я сделала вид, что в курсе. – Очень милая.

Мистер Брэнд просиял.

– А это миссис Махоуни. – Кэтлин представила мне женщину средних лет, и она помахала мне из-за кипы ватманов.

– Здравствуйте, мисс Лейк. Я занимаюсь производством. Я очень добрая, но прошу сдавать все в срок.

Я поздоровалась, и она проводила меня ободряющей улыбкой, когда я и Кэтлин покидали кабинет.

Помимо миссис Бёрд, так напугавшей меня, все остальные казались вполне дружелюбными. Я пыталась подбодрить себя, но выходило не очень. Правда была горькой, все это было совершенно не тем, о чем я мечтала. Не надо было писать об этом Эдмунду, он теперь подумает, что я круглая дура. И Банти тоже. И девчонки с пожарной части. Так мне и надо. Вообразила себе головокружительную карьеру.

Я сама во всем виновата. Что ж, придется с этим смириться.

– Давай-ка, Лейк, – пробормотала я себе под нос, – соберись уже.

Мы вернулись в наш маленький офис, и Кэтлин приня-

лась объяснять мне, как работает система внутренней связи, а я пыталась делать вид, что мне интересно. После краткого знакомства с вокальными данными миссис Бёрд я не видела нужды в подобной системе.

– Всегда начинай с проверки почты, затем клади письма на стол миссис Бёрд. И только *подходящие*, ничего лишнего, – с самым серьезным видом сказала она.

Я взглянула на оставленный открытым номер на столе. Рядом с фотографией, сделанной примерно в 1915-м, на которой миссис Бёрд выглядела готовой затеять драку, стояло краткое пояснение.

Миссис Генриетта Бёрд поможет вам

Любую проблему можно решить, призвав на помощь здравый рассудок и волю.

Миссис Бёрд ответит на волнующие вас вопросы. Пришлите конверт со штемпелем и обратным адресом, если хотите, чтобы вам ответили анонимно. Примите во внимание, что почтовый ящик миссис Бёрд всегда полон и ответ может прийти не сразу.

Я вспомнила Банти, печатавшую военные депеши в министерстве обороны. Да уж, с вот этим вот не сравнить. На странице для писем разыгралась битва леди с собственными опухшими коленями.

– Уверена, что найду чем заняться, – я старалась радо-

ваться. – А насколько большой почтовый ящик миссис Бёрд?

– Не очень.

– А почему написано, что он всегда полон?

– Потому, что все так пишут. Нам мало кто пишет. Нас мало кто читает.

– Господи, – я читала письмо от читательницы под псевдонимом «Застенчивая», стеснявшейся своих толстых рук. Ответ миссис Бёрд был краток:

«Представьте, что это крылья самолета, и машите ими над головой что есть силы».

Мне стало очень тоскливо. Всего в двадцати милях от Британии была Европа, раздираемая войной, а здесь – «Женский День», который никто не читал, и толстые руки. Я-то думала, что буду печатать про Муссолини.

– И самое главное, – все так же серьезно продолжала Кэтлин, – миссис Бёрд не станет отвечать на неприличные письма. Как только увидишь что-то подобное, сразу же избавься от него.

Она принялась копаться в ящике, а я читала письмо от девочки с проблемными деснами. Миссис Бёрд отвечала, что той придется завязать со сладостями. Не очень-то дружелюбный ответ.

– Если кто-то присылает подобное письмо, его режут на кусочки, а конверт со штемпелем отправляется в коробку Добрых Дел. Кэтлин указала на большую картонную коробку с надписью «ШТЕМПЕЛИ» и возобновила раскопки.

Я взяла еще одно письмо от леди, взявшей на попечение трех эвакуированных сирот, обеспокоенной тем, что эти весьма милые дети научили ругаться ее собственным. Неудивительно, что миссис Бёрд совершенно не переносила бранных слов, и ответила в том же духе.

Интересно, какая участь ожидала меня.

Дорогая миссис Бёрд,

Я случайно устроилась не на ту работу, потому что во время собеседования толком ничего не слушала.

Сейчас я должна работать в погибающей газетенке, набирая письма для леди, голос которой способен проникать сквозь стены.

Я на самом деле такая глупая? Пожалуйста, посоветуйте, что мне теперь делать?

Ваша

Обычно не столь безмозглая.

И тут же представила ответ:

Дорогая Безмозглая,

Во всем виноваты исключительно вы. Не будьте тряпкой, живите дальше.

Ваша

Генриетта Бёрд.

– Эврика! – воскликнула Кэтлин, протягивая мне лист бумаги, озаглавленный **ПРАВИЛА МИССИС БЕРД**. На

листе стояла красная печать «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**».

Темы писем, которые не будут опубликованы, и на которые миссис Бёрд не станет отвечать

Супружеские отношения, отношения до свадьбы, внебрачные связи, физическая близость, незаконная деятельность, вопросы о политике, вопросы о религии, вопросы о религиозных убеждениях (исключая вопросы о религиозных собраниях и службах), вопросы о войне (исключая касающиеся нормирования провианта, добровольной службы, клубов и практической стороны дела), кулинарии.

– Кулинарии?

Если я не упустила ничего из вполне безобидных школьных уроков по домоводству, то на фоне внебрачных связей и незаконной деятельности она казалась весьма скучным занятием.

– Пересылайте их миссис Крофт, – посоветовала Кэтлин, – ответственной за *«Горшочек на плите»*. Как раз о продуктовых нормах. – Вот, смотрите, – она дала мне небольшую пачку писем. – Осторожнее, некоторые из них могут вас шокировать. – Кэтлин прикусила губу. – Обычно стараются нанять кого-то постарше, замужем, чтобы печатать такое. А вы на вид еще моложе меня.

– Мне почти двадцать три, – я надеялась, что это прозвучит

чит убедительно.

Кэтлин с ухмылкой попросила меня спрашивать ее обо всем, в чем я не уверена.

Я вернулась к списку с несвойственным леди энтузиазмом. Не будучи из тех, кто бросает обществу вызов, иметь подобный перечень непристойностей было весьма забавно.

Список слов и выражений, письма с которыми не будут опубликованы. Авторы писем останутся без ответа миссис Бёрд.

За дальнейшими комментариями обращайтесь к книге «От девичества к замужеству: полезные советы врача» (1921)

А – В

Азарт, амурные дела, белье, Берлин, будуар, влюбленность, вождение...

У миссис Бёрд были свои представления о порочном, Содом и Гоморра могли спать спокойно. До свадьбы нельзя было заходить слишком далеко. Увлечаться кем-то значило навлечь на себя неприятности, а уж если это случалось, то винить стоило лишь себя одну.

Фактически даже самые невинные намеки на какие бы то ни было отношения приводили к тому, что миссис Бёрд, которая **ответит на волнующие вас вопросы**, не ответит вам никогда.

Почтовому голубю подрезали крылья, и я решительно взялась за остальные письма.

Некоторые были писаны чернилами, внизу стояли подлинное имя и фамилия, а другие – карандашом, без подписи или с псевдонимом вроде *«Обеспокоенная невеста»* или *«Девушка моряка»*. К иным прилагался конверт в надежде на обратное письмо. И почти все были от женщин, за исключением одного или двух от мужей, писавших о своих женах.

Я была уверена, что нашла что-то стоящее, открыв письмо от некой Джоан, чей таблетированный кальций не справился с отморожением. *«Мне так тяжело ходить»*, – писала она. Будучи уверенной, что это не противоречит правилам, я воспряла духом. Некая миссис Диттон, полная оптимизма, писала следующее: *«Моя дочь сдала экзамен по оказанию первой помощи, стоит ли ей идти на фронт медсестрой?»* Надеюсь, что это касается добровольной службы, я положила это письмо к письму Джоан.

Чем больше я читала, тем сложнее становилось найти подходящее письмо. Одна читательница влюбилась в разведенного мужчину («развод» числился в разделе Р – Т), другой нравился молодой человек, но кто-то сказал ей, что его *«ухаживания возмутительны»*. Все они попадали в список непристойных.

С другими же все обстояло туманно.

Дорогая миссис Бёрд,

Мне пятнадцать. Подружки говорят, что их

мальчики целуют их на прощание. Стоит ли мне отказывать? Есть ли разница в поцелуях до и после замужества? Я боюсь, что если позволю мальчикам себя целовать, то буду выглядеть легко доступной.

Ваша

Застенчивая девушка.

Для пятнадцати лет вполне пристойный вопрос. Я искала соответствующий раздел в списке миссис Бёрд. Разумеется, о Поцелуях и о том, как Правильно Целоваться, и речи быть не могло. Очень жаль, но придется проигнорировать просьбу застенчивой девушки. Не в силах выбросить письмо, я отложила его в ящик.

Все больше писем отправлялись в утиль, и я принялась читать их вслух, в надежде, что Кэтлин меня поправит.

– *Дорогая миссис Бёрд, муж говорит мне, что я бесчувственна и холодна,* – начала я.

– О нет, – возразила та прежде, чем я добралась до сути.

Я отложила письмо, взяла другое.

– *Дорогая миссис Бёрд, я собираюсь выйти замуж, когда мой жених вернется со службы...*

Кэтлин, кажется, заинтересовалась.

– *И я, кажется, совсем ничего не знаю о Замужестве.*

– Слово «замужество» написано заглавными буквами, – подчеркнула я, а Кэтлин уставилась в пустоту, словно задумалась о чем-то.

– Уверена, что это не подойдет, – ответила она.

– *Особенно о его интимной стороне...* – подсказала я.

– О, Господи, нет, – вздохнула Кэтлин, бросив взгляд на дверь, словно разъяренная миссис Бёрд вот-вот ворвется в кабинет. – Никакой интимности.

– Простите, – извинилась я. – А как насчет вот этого?

Дорогая миссис Бёрд,

Посоветуйте, как сделать вкус подливки более...

– О, это по части миссис Крофт, не так ли? – Я перебирала оставшиеся письма.

– *Что в горшочке на плите,* – облегченно пролепетала Кэтлин.

Я раскрыла письмо, написанное изящным почерком, озаглавленное «*Угасающие отношения*» от леди, представившейся как Разочарованная.

Муж ее был человеком достойным, но когда дело касалось постели, он не проявлял к ней почти никакого интереса. Все подробности были изложены в весьма деликатной манере, и я подумала, что у нас есть шанс.

– Ну конечно же нет, – отрезала Кэтлин, заправляя беглый локон-пружинку обратно в пучок. – Здесь же написано «*отношения*». А миссис Бёрд этого терпеть не может.

– Они же муж и жена, – возразила я.

– Не в этом дело.

– Она ему не интересна.

– *Эммелина.*

– А это совсем невесело.

– Постой, – оборвала меня Кэтлин, и другой локон вырвался на свободу. – Не надо подробностей. Чтение надо было прекратить после третьей строчки.

– Я и прекратила, – соврала я.

– Вы уверены?

– Ну, может, не после третьей. Но здесь что-то нечисто. Они уже год как женаты, а она еще не видела его без пижамы.

– Эммелина! – Кэтлин покраснела, и я решила не упоминать, что было дальше, так как боялась спровоцировать скандал. – Послушай. Не нужно читать ничего из отмеченного миссис Бёрд. Ты еще слишком молода.

Она с озабоченным видом поднялась.

Мне не хотелось выглядеть нелепо во второй раз за день, и я снова извинилась, сказав, что хорошенько это запомню.

Но я чувствовала, что все должно быть иначе. И с этой разочарованной леди, и с застенчивой девушкой, и всеми остальными, чьи письма забраковывались.

Меня поразила смелость тех, кто писал нам письма, и их откровенность. Миссис Бёрд была всего лишь незнакомкой из журнала, но с ней делились самыми сокровенными переживаниями. Кто-то из пишущих действительно нуждался в совете, а она попросту игнорировала их. Можно же было хотя бы ответить на письмо, даже если оно и не печаталось в журнале?

Я вскрыла последний конверт. Почерк был со слабым нажимом, но очень аккуратным – очевидно, автор трудился над

письмом целую вечность.

Дарагая миссис Бёрд

Мне семнадцать и я люблю молодого человека который добрый и хороший и говорит мне что тоже меня любит. Он со мной гуляет и водит на танцы и я хочу отблагодарить его за это хоть и знаю что так поступать очень плохо. Моя подруга Винни хочет делать со своим молодым человеком то же самое и мы с ней очень переживаем и Винни очень боится что ее папа все узнает. Помогите, пожалуйста. Мы не хотим расставаться с мальчиками. Я приложила конверт со штемпилем и заказ на выкройку для пальто чтобы мама не узнала что я вам пишу.

Искренне ваша,

Запутавшаяся.

Кэтлин проверяла развертку с выкройками для весенних платьев, и я перечитала письмо Запутавшейся. Я сочувствовала всем, чьи письма попали мне в руки, но ее беда тронула меня больше остальных. Она и ее парень плавали в опасных водах.

Конечно же, я поговорила с Банти, в ночном саду возле убежища, и мы сидели и болтали об Уильяме и Эдмунде, как и делают лучшие подруги. Банти была без ума от Билла, а Эдмунд, хоть и скептически относился к моим карьерным планам, всегда был добр ко мне и поддерживал меня. И ему так шла униформа!

Должно быть, я звучала прямо как та запутавшаяся бед-

няжка.

Мы уже знали, где лежала граница, которую нам не переступить, хотим того или нет. Наверное, «оставаться неприступной» звучит ужасно провинциально, даже если бы не было войны. Но мы с Бантс уже знали, какие потери можно понести на любовном фронте, и это было совсем не весело.

Я села за свой стол, делая вид, что перечитываю письмо Запутавшейся, но мысли мои были далеко.

Всю школу, до самого выпуска, я и Банти были в банде. Она, я, Оливия и Китти. Наша четверка всегда была неразлучна: мы были в одних и тех же кружках, одних командах, влюблялись в одних и тех же актеров, вместе рисовались перед мальчишками. Ничего особенного, так делают все лучшие подруги.

Но когда нам стукнуло шестнадцать и мы сдали выпускные экзамены, Китти стала встречаться с парнем, который был старше. Его звали Дуг, и ему было двадцать. Китти говорила, что он очень взрослый и считает нас всех еще детьми, что, вероятно, было правдой. Так или иначе, пока мы сходили с ума по Гэри Куперу и Эрролу Флинну, Китти взяла и влюбилась в Дуга. Сказала нам, что он ее тоже любит. А затем забеременела.

Едва лишь Дуг узнал об этом, как тут же испарился.

Я прикусила губу, перечитывая письмо Запутавшейся. Кэтлин права, я слишком молода. Но это не означает, что всю жизнь я просидела в пещере.

Китти отправили в Шотландию, к тетке, которую она совсем не знала. Нам запретили с ней видеться, и она осталась одна. Китти отчаянно хотела оставить ребенка, но через четыре дня после того, как у нее родился сын, его забрали. Я заставила Банти пойти со мной к родителям Китти, чтобы переубедить их. Но те были непреклонны, и ответом нам было лишь категоричное, злое «нет».

Китти назвала сына Питером. Сейчас ему должно было исполниться шесть.

Опершись локтями на стол, я уронила голову на руки, забыв, что я на новом месте и мне стоило бы произвести благоприятное впечатление.

– Вы в порядке, Эммелин?

Из-за стола выглянуло дружелюбное лицо Кэтлин.

– Не волнуйтесь. Вы со всем справитесь.

– Ну конечно, – ответила я мгновенно, – просто кое-что для меня в новинку.

Кэтлин участливо взглянула на меня.

– Что, опять что-то *ужасное*? – спросила она, посмотрев на конверт с обратным адресом Запутавшейся. – Хотите, я сама брошу его в ящик?

– Нет-нет, – спохватилась я. – Это от девушки, которая Переживает За Котика. Думаю, миссис Бёрд это понравится.

Кэтлин на миг усомнилась, но затем улыбнулась, искренне похвалив меня.

– Вы молодец. Но животные тоже не годятся. – Она по-

медлила. — Эмми, я знаю, жестоко так поступать, но миссис Бёрд говорит, что если люди ввязываются во всякие глупости, то сами виноваты.

Я не считала, что Запутавшаяся должна винить себя. Она просто верила в то, что ее кто-то любит. Вся разница между этой девочкой и мной в том, что история Китти послужила мне примером и Эдмунд не обольщал меня так, как ее — Дуг. Если ей никто не поможет, с ней случится то же, что и с Китти.

— Несомненно, Кэтлин. — Я положила конверт и письмо в свой ящик.

Я не оставлю в беде эту девочку и ее парня.

Если ей не ответит миссис Бёрд, то ей отвечу я.

Глава 5

Дорогая Запутавшаяся

К среде я уже поняла, что и как, и старалась изо всех сил. Банти утешала меня, как могла, когда я рассказала ей о том, что я работаю не в «Ивнинг Кроникл», а в «Женском Дне» и для нее что то, что это звучит одинаково здорово. Я написала Эдмунду, изрядно приукрасив историю, в надежде, что он отнесется к случившемуся с юмором. Девочки с пожарной части были потрясены и твердили, что это может стать началом чего-то великого.

Я с нетерпением ждала писем от читательниц, полная оптимизма в ожидании их вопросов, чего-то интересного и приемлемого для печати, не чувствуя никакой паники. Не так уж много мне попало писем, авторам которых можно было бы посоветовать вступить в клуб блюстителей морали.

Письмо Запутавшейся все еще лежало у меня в ящике. Я все обдумывала свой ответ, в надежде улучшить момент, когда незаметно смогу его напечатать. Я ужасно хотела помочь ей, но шанс того, что узнает миссис Бёрд, страшил меня.

Часть работы мистера Коллинза Кэтлин переложила на меня, предпочитая набирать схемы вышивки и советы миссис Бёрд касательно красоты, почти всегда сводившиеся к отсутствию макияжа и нанесению на лицо какой-либо отпу-

гивающей смеси. Мистер Коллинз занимался статьями, беллетристикой, и хоть это и не шло в сравнение с новостями о Королевских Военно-Воздушных Силах, сражавшихся с вражескими бомбардировщиками близ Тобрука, это было лучше правовой документации в юридической конторе.

Миссис Бёрд большую часть дня проводила вне офиса, так как была занята огромной кучей Добрых Дел, и когда она покидала кабинет, из коридора слышался могучий рык, возвещавший о пункте назначения и времени ее возврата. От ее громогласного «В МЕТРО К ВОЛОНТЕРСКОМУ ПРИ-ЮТУ!!! ВЕРНУСЬ В ТРИ ПЯТНАДЦАТЬ!!!» мы подскакивали на стульях. Звучала эта стенография примерно так же, как уличные сумасшедшие, что орут на мусорные баки.

В среду, почти в десять, в коридоре что-то стукнуло, затем что-то покатило.

– Это Кларенс, – сказала Кэтлин, и тонкий голосок пропихнул: «Доставка почты!», а ему вторил глубокий бас. Чуть дрогнув, первый голос пискнул: «Для Мисс Найтон».

– Входи, Кларенс, – тихо позвала она.

– Вхожу, – послышался испуганный баритон.

Кларенс был самым усердным и самым застенчивым разносчиком почты во всем издательстве. Ему было четырнадцать, а росту в нем уже было пять футов десять дюймов, его кожа уже причиняла ему страдания, и несколько раз за день он разносил почту. Неподдельный интерес к событиям войны мешался в нем с полным параличом, разбивавшем его

при виде Кэтлин, в которую он был безнадежно влюблен.

Если она хотя бы взглянула на него, Кларенс лишился бы дара речи, и все, что собирался сказать ей, он выложил мне.

– Доброе утро, мисс Лейк, – он охватил три октавы. – Мисс Лейк, – повторил он, доказывая, что все еще способен говорить. Вчера у него получилось хуже, и сегодняшний прогресс поражал.

– Доброе утро, Кларенс, – приветствовала его я.

Кларенс, набравшись духу после приветствий, пустился с места в карьер.

– Мисс Найтон, – триумфально возгласил он, хоть и прозвучало это так, словно он пытался заговорить с летучей мышью.

– Привет, Кларенс, – тепло ответила Кэтлин. Кларенс смешался, готовый умереть на месте.

– Посылка для мисс Лейк, – сказал он, оставаясь в том же регистре, и, повернувшись к Кэтлин спиной, добавил:

– В Италии плохи дела, – как будто между посылкой и этим была какая-то связь. – Наши никак не справятся с венграми.

– Уверена, что они скоро прорвутся, – ободрила его я. – Не унывай.

– Не задерживайся, Кларенс, – беззлобно напомнила ему Кэтлин. – Не то нарвешься на миссис Бёрд.

Кларенс храбро посмотрел в ее сторону, но был сражен увиденным, и, помахав рукой, как мальчуган на ярмарочной

карусели (теперь будет из-за этого терзаться), исчез до следующего раунда.

Я немедленно принялась разбирать почту. Первое же письмо касалось военных сберегательных марок, что было хорошо и приемлемо. Второе прислала леди, мучимая зобом. Нелегко было читать его, хоть я и хотела когда-то стать ветеринаром. Я дважды сверила его со Списком и решила, что оно подойдет, если опустить некоторые подробности. Все шло вполне неплохо.

Сразу затем было письмо от леди, желавшей развестись, от которого я избавилась без особой охоты. Все закончилось на открытке, на которой размашистым почерком торопливо было написано следующее:

Дорогая миссис Бёрд!

Знаете ли вы какие-либо упражнения для укрепления голеней? Сейчас я ношу сапоги на меху, иногда посещая мероприятия в вечернем платье, но летом мне мучительно больно. Прошу вашего совета.

Ваши

Несчастные Ножки

Мне было жаль эти ножки – жизнь и без того трудна, чтобы отказывать себе в том, чтобы носить короткие платья, но благодаря ей я вышла из положения, набрав достаточно материала для выпуска.

Положив все письма в картонную папку для миссис Бёрд, я протиснулась в коридор мимо стола Кэтлин. Там, как все-

гда, было пусто и пахло вареной капустой и мылом. Не самый приятный запах. Наверное, что-то с отоплением.

Миссис Бёрд была на собрании, посвященном Эвакуации Кошек, и папку я оставила на ее столе, затем наведальась в отдел искусств, чтобы сообщить миссис Махоуни, что сдам работу в срок. Она объясняла мистеру Брэнду, как легко приготовить пикантные колбаски, и я с радостью присоединилась к беседе. Они нравились мне и было грустно оттого, что все мы не сидели вместе в старом офисе – было бы намного веселее работать так, а не прятаться по норам.

Миссис Махоуни попросила меня поторопить мистера Коллинза с его колонкой кинообзоров, и я с сожалением покинула их, направившись в его кабинет. Я постучалась.

Я все еще помнила о его странностях, но сегодня, вместо того, чтобы уйти в себя, он пребывал в радостном расположении духа.

– Это вы, миссис Лейк? – спросил он, не поднимая головы. – Входите.

Работал он в полумраке среди полного хаоса, и это, как я быстро поняла, его вполне устраивало. Я уже привыкла к его рукописям, беспорядочным, скомканным, иногда порванным надвое и склеенным вновь. На одной из них он гигантскими буквами вывел разочарованное «НЕТ», а ниже начал писать заново. Было заметно, что он до последнего не избавляется даже от безнадежного старья. Несмотря на налет циничности, я думала, что его работа ему нравится.

– Ну что, как устроились? Генриетта хорошо себя ведет?

В первый раз я слышала, как кто-то называл миссис Бёрд по имени. Это звучало настолько радикально, что я чуть не расхохоталась.

– Все очень мило, – ответила я, что было почти на три четверти правдой. – Я читаю письма, которые нам приходят.

– Ясно, – сказал Коллинз. – Мисс Найтон сообщила мне, что подобрать подходящий материал непросто.

Я кивнула. Знал ли он о тех письмах, на которые никто не отвечал? Может быть, нет? Может, если я скажу ему, он мне поможет?

– Ммм, – пробормотал он, – для меня это все равно, что греческий, ничего в этом не понимаю.

Мое сердце упало. Я смотрела на книжные полки, пытаюсь придумать, как лучше сказать ему об этом. Бутылка бренди все еще была на месте.

– Мне жаль людей, – решила я. – Стыдно ничего для них не делать.

Мистер Коллинз ухмыльнулся, поскреб подбородок. Кажется, небритый.

– Я чувствовал, что в вас что-то есть, – он ни о чем меня не спросил. Какой провал. – Продолжайте в том же духе, у вас все получится.

Этот туманный намек был не слишком-то полезным, и я чувствовала, что его лимит на болтовню исчерпан. Однако, передав ему просьбу миссис Махоуни и вернувшись за свой

стол, я немного приободрилась. Услышать от него «у вас все получится» было сродни похвале.

Странно, что я вообще придавала значение похвале от циничного любителя бренди средних лет, работать в «Женском Дне» которому нравилось еще меньше, чем мне, но так и было. Мистер Коллинз мог закатить глаза, сделать вид, что ему плевать на все эти истории в письмах, но он не мог подвести тех, кто читал журнал. Отважными, смелыми были герои и героини этих историй, всегда со счастливым концом. И это было лучше и больше того, что делала миссис Бёрд.

Кэтлин оставила на моем столе записку, гласившую, что она отлучилась по поручению миссис Бёрд, и я уселась в одиночестве, грызя карандашик в мыслях о мистере Коллинзе и миссис Бёрд. Я знала, на кого хочу походить. Кто по-настоящему понимал женщин, выписывавших этот дрянной журнальчик.

И я решилась.

Сердце мое билось чаще обычного, и я, скормив лист бумаги машинке и прикидывая, насколько быстро я смогу печатать, вытащила из ящика письмо Запутавшейся. И, чуть помедлив, вслед за ним и письмо Застенчивой Девушки.

Если бы меня застигли за этим занятием, суровая кара была бы неминуема. Так что я должна была попытаться помочь обеим.

Я вновь перечитала письма, закусив губу, пытаюсь представить, как выглядит та добрая и опытная советчица, кото-

рой пишут в трудный час, и ответить им кратко, в стиле миссис Бёрд. И принялась печатать.

Среда, 22 января 1941 года

Дорогая Запутавшаяся,

Благодарю вас за ваше письмо. Не стоит так переживать, я уверена, что могу помочь вам...

Глава 6

Не все люди добропорядочные

Я уверяла себя, что нет ничего плохого в том, чтобы ответить лишь на два письма, и все равно ужасно боялась. Едва начав печатать ответ, я подумала, что стоило бы показать их миссис Бёрд и попытаться воззвать к ее лучшей стороне или попросить мистера Коллинза поговорить с ней. Но судя по ее Списку и грозным речам обо всем Неприемлемом, не говоря уже об ужасе, овладевшем Кэтлин, стоило мне лишь прочесть некоторые из писем, я понимала, что буду вынуждена играть на совершенно чужом поле. Не самая лучшая затея. Придется собраться с духом и потерпеть.

Печатать ответы на письма было совсем не трудно, если не считать предупредительный окрик мистера Коллинза, удалявшегося на обед из-за двери, от которого со мной едва не случилась истерика. Я работала быстро, отвечая так, как обратилась бы к Банти или Оливии, или одной из своих юных кузин, но в стиле, присущем миссис Бёрд.

Когда вернулась Кэтлин, письма уже надежно лежали в конвертах, вложенных в библиотечную книгу на дне моей сумки. Если бы не подпись *Ваша миссис Г. Бёрд*, это были бы просто письма к подруге.

Но все было не так.

Я подделала ее подпись.

Использовала фирменную бумагу.

Написала их в свое рабочее время.

Так что ничего общего с письмами к подруге у них не было.

Разыграв сценку с необходимостью срочно отлучиться, я едва смела смотреть Кэтлин в глаза.

– ОЙ, А МНЕ ЧТО, УЖЕ ПОРА? Я ТАК ОПАЗДЫВАЮ, МНЕ НАДО БЕЖАТЬ, ДО ЗАВТРА, ПОКА! – выпалила я единым духом.

И я помчалась прочь, с пальто и шляпкой наперевес, пока она не заметила мои щеки, пунцовые от стыда.

Казалось, я никогда не покину здания. Я стояла в лифте и обливалась потом, так как он делал остановку на каждом этаже, затем, полукрадучись, пробралась через холл, каждое мгновение ожидая, что мне на плечо ляжет тяжелая рука и меня немедленно арестуют.

Едва оказавшись на промозглой улице, под снегом и дождем, я поспешила избавиться от улик, опустив их в почтовый ящик, затем вскочила не в тот автобус, который привез меня совершенно не туда, куда нужно.

Нет уж, больше никогда.

Я сделала ужасную ошибку. Выдавать себя за миссис Бёрд! Похоже, я совершенно тронулась.

Интересно, что мне на это скажет Банти. Наверное, что у меня мозгов ни на унцию, и стоит кому-то узнать об этом,

как меня тут же уволят. И ведь она будет права. Я надеялась, что сумею помочь тем, кому предназначались мои письма, и от этого мне немного полегчало. Но делать все вот так было невыносимо, и в другой раз мне действительно стоило бы попросить помощи у миссис Бёрд.

До конца недели в «Женском Дне» я работала, как сумасшедшая, стараясь изо всех сил. Все еще горек был вкус той пилюли, что я проглотила, когда устраивалась сюда, но за мной оставалось место в пожарной части, и я считала, что все не так уж плохо. Я следила за всеми новостями в газетах, стараясь быть на острие политики, если вдруг подвернется малейший шанс для перевода в «Ивнинг Кроникл».

Пытаясь произвести наилучшее впечатление, я печатала письма для миссис Бёрд с удвоенной скоростью, отредактировала две рукописи для мистера Коллинза на своей древней машинке, бралась за любую работу, которой брезговала Кэтлин или кто-либо еще. Все шло, как по маслу, и когда миссис Махоуни назвала меня сокровищем, жизнь в «Женском Дне» для меня заиграла новыми красками.

А на второй неделе работы все пошло наперекосяк.

Я честно пыталась искоренять сорняки писем, неугодных миссис Бёрд, но скучный ручеек писем и слишком низкая планка Неприемлемого едва позволяли набрать материал на страницу. Я с надеждой вскрывала каждый конверт, воодушевляясь при виде первой невинной строки, за которой сразу же всплывало разрушительное *«перестал заниматься со*

мною любовью» или «и теперь я жду ребенка». Несмотря на убежденность миссис Бёрд в том, что здоровый взгляд на жизнь и небольшая прогулка способны решить любые проблемы, бедам большинства читательниц «Женского Дня» свежий воздух бы не помог.

Впрочем, сдаваться я и не думала. Я пыталась, даже если ничего не получалось.

В понедельник миссис Бёрд громко отчитала меня за предложение напечатать письмо от леди, муж которой завел интрижку.

– Мисс Лейк, вы что, с ума сошли?

Через два дня я вновь пошла на риск: девушка не знала, что ей делать в первую брачную ночь. За этим последовал решительный ответ:

– Разрешите поинтересоваться, мисс Лейк, есть ли в моем списке слово «удовольствие»?

Странно, но случайно мне повезло с вопросом о миссис Битон: существовала ли она на самом деле и правда ли умерла молодой («Разумеется, мисс Лейк, ей было двадцать девять»), и письмо от читательницы из Канады, которой было там очень одиноко («Не стоит быть мрачной, мисс Лейк, пусть соберется с духом»), тоже пришлось кстати, но старательно нарезая полосками проблемы наших читательниц, я не могла избавиться от мысли, что мы не очень-то им помогаем.

– Честно говоря, Кэтлин, – обратилась я к ней однажды

утром, когда писем для миссис Бёрд почти не оказалось, — если мы так поступаем с письмами, неудивительно, что их приходит так мало.

— Но кто-то же пишет, — возразила Кэтлин, поглощенная техникой двойного вязания.

— Их могло бы быть больше. Смотри: другие еженедельники полны советов для тех, кому изменяет муж, или тех, кто хочет завести ребенка, или тех, кто не хочет иметь детей, или что делать, если твой жених на фронте уже целый год, а ты не знаешь, вернется ли он оттуда живым. — Я вспомнила Эдмунда. — Вот что волнует людей, а не июньское нашествие муравьев. Кому это вообще надо?

Кэтлин обеспокоенно посмотрела на дверь.

— Господи, Кэтлин, да нет ее там, — резко бросила я. Прошлой ночью город снова бомбили, и смена в пожарной части выдалась особенно длинной. Как и весь Лондон, я спала урывками и вымоталась.

— Нам надо помогать таким, как вот эта леди, — и я зачитала письмо от леди, подписавшейся псевдонимом *В тупике*.

Дорогая миссис Бёрд,

Я очень люблю своего жениха, но он внезапно охладил ко мне. Он говорит, что любит меня, но говорит бесстрастно.

— Эммелина, — прошептала побледневшая Кэтлин, — не надо.

Я продолжила:

*Стоит ли мне выходить за него замуж в надежде,
что все изменится?*

Я посмотрела на Кэтлин, и это было нечестно, так как претензии были не к ней.

– Почему миссис Бёрд ей не поможет? Эта девушка станет несчастной, если он действительно ее не любит. А нам всего лишь стоит сказать ей, что на нем свет клином не сошелся. Или вот, вот это. – Я достала из ящика очередное печальное письмо, которое не в силах была уничтожить.

Дорогая миссис Бёрд!

Я – мать троих детей, мой муж погиб еще до войны. У меня не так много друзей, и я сблизилась с квартировавшим у нас солдатом. К своему ужасу, я забеременела от него. Я написала ему, но он мне не ответил. Я в отчаянии. Пожалуйста, скажите, что мне делать?

– Эммелина, прекрати немедленно! – зашипела Кэтлин. – Ты же знаешь, что миссис Бёрд подобного терпеть не может!

– Подобного? – я вспомнила Китти и ее сына. – Боже мой, Кэтлин, да это могло случиться с тобой или мной! Это же живые люди! Вот, послушай:

Дорогая миссис Бёрд,

Когда детей эвакуировали из Лондона, я не могла смириться с тем, что моего мальчика заберут. Два месяца назад в наш дом попала бомба, и теперь он останется инвалидом на всю жизнь.

Я осеклась. Нелегко было довести меня до слез, но слова застревали в горле. Днем раньше я показала это письмо миссис Бёрд, на что та ответила, что не станет отвечать той, которая виновата во всем сама. От подобного ответа мне стало не по себе.

– Кэтлин, так в чем же смысл такой страницы в «Женском Дне», если мы никому не помогаем?

Этот вопрос предназначался не ей, а миссис Бёрд.

Кэтлин была хорошей девушкой, и понимала, что я на грани.

– Эмми, послушай, – тихо ответила она. – Я знаю, что все это ужасно печально. Мне тоже иногда грустно. Но с этим ничего не поделать. Если миссис Бёрд сказала, что не потерпит ни слова о... ну... о беременности, то так и будет. – Пружинки на ее голове согласно качнулись. – Даже если нам это не нравится.

Я отвернулась. Папа смеялся надо мной, говорил, что «вас, барышня, стоило бы назвать Капитаном Настойчивостью», а я всегда считала, что не стоит бросать тех, кто в беде. А в «Женском Дне» моя задача заключалась в том, чтобы делать все ровно наоборот.

Я залезла под стол, чтобы поднять упавший конверт.

– Если бы я забеременела, – обратилась я к темному дощатому полу, – хотелось бы верить, что мы сможем помочь.

Кэтлин ничего не сказала, хотя я слышала, как скрипнул ее стул – должно быть, она встала. Мне ответил другой, хо-

лодный голос:

– Так возможно ли это, мисс Лейк?

Бомм! Часы за столом Кэтлин пробили одиннадцать, что означало одно: миссис Бёрд вернулась в редакцию после того, как разобралась с пьянчугой, которого сбили на другой стороне улицы.

Бомм!

Я оставалась под столом, а часы все били и били, и от этого было еще хуже. Хотелось бы мне остаться там, пока не они пробьют все одиннадцать раз.

– Мисс Лейк?

Да, не самая лучшая идея.

– Да, миссис Бёрд? – я вылезла из-под стола, заметив, что Кэтлин побледнела, прямо как леди, которую я увидела убегающей с выставки доктора Криппена в музее Мадам Тюссо.

– Полагаю, мисс Лейк, – спокойно проговорила миссис Бёрд, несмотря на то, что стала свидетельницей вопиюще безнравственного, – это всего лишь ваши предположения?

– Конечно, Бог мой, разумеется! – Все, теперь мне точно конец. – Кэтлин и я просто обсуждали одно из писем.

Кэтлин побелела еще сильнее, и я вспомнила, что обсуждение писем строго запрещено.

– Понимаю, – протянула миссис Бёрд с совершенно противоположным видом.

Я вытянулась, так как должна была встать, еще когда вошла миссис Бёрд и еще потому, что была уверена, что сейчас

свершится возмездие.

– То есть обсуждения не состоялось, – я поспешно перешла в отступление. – Говорила я, а Кэтлин пришлось слушать.

Я надеялась, что кара минует хотя бы ее.

– И что же вы сказали, мисс Лейк? – ледяным тоном поинтересовалась миссис Бёрд, выглядевшая так, словно ее вот-вот хватит удар. На ней было древнее, огромное пальто на меху, придававшее ей сходство с медведем, упустившим особую жирную форель. – Я не знала, что *младшей наборщице* вообще *позволяется что-то говорить*, – плевался медведь.

Я собралась с духом. Здесь, в редакции, я чуть больше недели. Всего второе место работы. Сейчас меня уволят.

Но если подумать, потеря работы не так уж страшна – мне ничего не останется, кроме как пойти на фронт, хоть мама и папа будут сходить с ума. Наберусь там опыта, и может даже, в будущем это поможет мне устроиться на должность военной корреспондентки.

Можно пойти в женские вспомогательные военно-воздушные силы. Отличная идея. Научусь укладывать парашюты, пойду в эскадрилью моего брата Джека, буду следить за его парашютом. Или во вспомогательные органы воздушного транспорта, вторым пилотом, даже если по правилам мне нельзя будет ни в кого стрелять. Жаль, конечно.

Пока миссис Бёрд продолжала меня отчитывать, я немного пришла в себя и думала дальше. Может, остаться у пожар-

ных, пройти курс водительской подготовки и работать в выездной бригаде? Тогда я смогу остаться с Банти в Лондоне, будет весело – с Уильямом и друзьями будем ходить в кино, на танцы и все такое, и ничего не изменится. Можно и Кэтлин позвать.

Все будет замечательно, как ни посмотри.

– И я считаю, что читательница «Женского Дня» не желает портить себе день *подобными вещами*, а вы?

Миссис Бёрд закончила свою речь. Вышло зрелищно.

– Да, – твердо ответила я, – конечно, не желает.

Я приготовилась уйти, но, как оказалось, это был лишь антракт. Миссис Бёрд по-прежнему стояла в дверях.

– Мисс Лейк, – продолжала она, и ее ноздри угрожающе затрепетали.

– Вы наивны и юны, – гремела она, словно клеймила преступницу. – Вам еще предстоит узнать, что НЕ ВСЕ ЛЮДИ ДОБРОПОРЯДОЧНЫЕ.

Она выглядела угрожающе, заложив руки за спину, словно военный инспектор перед отрядом.

– Особенно вот эти, – она кивнула в сторону писем, в беспорядке лежавших на моем столе.

Лекция продолжалась.

– Интрижки... теряют голову... дети... НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО! – громыхала миссис Бёрд, делая паузы для осознания чудовищности всего перечисленного. – НЕРВЫ, мисс Лейк, подумать только!

Весь ее вид выражал отношение к подобным людям, как к врагам государства.

— Эти женщины *развлекаются*, пока мужчины сражаются за будущее свободного мира! Я не считаю, что они заслуживают помощи, А ВЫ?

Не очень-то ее речи вязались с тем, о чем я читала, но спорить с миссис Бёрд было бессмысленно. Я просто младшая наборщица на временной основе, и о такой работе не очень-то и мечтала.

Какое мне вообще дело до этой ее чертовой колонки?

Миссис Бёрд набирала обороты, второй акт пантомимы был в самом разгаре, и вдруг я поняла, что мне не все равно. Более того, я переживала за тех женщин, которые писали в этот старомодный, богом забытый журналчик. Миссис Бёрд приходило так мало писем, что она могла бы ответить на каждое из них. Вместо этого она нанимала ничтожеств вроде меня, чтобы те избавлялись от неугодных писем, пока она разъезжала по своим совещаниям. Жить под постоянной угрозой бомбежек, да еще с такой вот миссис Бёрд, с ее резонерством и надменной стойкостью? Нет уж, увольте.

Если ей не было дела до тех, кто отважился написать нам, оставалась лишь я.

Ошибкой было прийти сюда, но попробовать стоило. Я хотела остаться лишь потому, что этим людям нужна была помощь. Я понимала, что это капля в море и что на самом деле хотела совсем иного — быть военной корреспонденткой, или

пилотом, или курьером, но за всеми, кто был в первых рядах, крылись другие люди, безгласные, о которых никто не знал, и которым тоже приходилось нелегко. Нам всем следовало бы мужаться и быть стойкими, чтобы старый хрыч Адольф не надеялся на победу, но некоторым из нас нужно было просто протянуть руку.

Я не хотела уходить.

Пришло время вкусить плодов смирения.

– Конечно, я согласна с вами, миссис Бёрд, – бодро ответила я. – Приношу свои извинения. Боюсь, я еще не совсем хорошо освоилась на новом месте.

Прикинуться дурочкой было разумнее всего.

– Теперь я намного лучше все поняла. Простите, пожалуйста. Я так медленно схватываю! Но вам не придется повторять все это еще раз. Могу ли я показать вам письмо от леди, которая не в восторге от Франции?

Миссис Бёрд яростно выхватила у меня письмо, но мгновение спустя остыла. На лице ее явно читалось, что воспитанием моим занимались самые непотребные из проституток, но она процедила, что отныне я должна выбирать себе достойный моральный ориентир и не тратить ее время.

– Этих писем я видеть не желаю, – она указала на те, что лежали на моем столе. – Я не стану их читать, я не стану отвечать на них. Они *неприемлемы*.

С этими словами она схватила несколько писем, скомкала их и швырнула в корзину.

Наконец, словно галеон, обошедший Армаду с фланга, невзирая на не самый лучший день, она удалилась из кабинета настолько величественно, насколько позволяли ее размеры.

Мы с Кэтлин сидели в тишине, пока не хлопнула дверь в кабинете миссис Бёрд.

– Боже правый, – восторг пьянил меня.

– Ну ты даешь, – прошептала Кэтлин, чьи глаза таращились на меня, огромные, словно две тарелки.

– Как думаешь, между нами ничья? – хихикнула я, ведь меня не уволили.

– Думала, что нас ждет взбучка, – пробормотала Кэтлин. – Спасибо, что прикрыла меня.

– Так ты же ни в чем не виновата. Наоборот, ты пыталась закрыть мне рот. Прости, что втянула тебя во все это. Больше ни слова об этих дурацких письмах.

– Идет, – заверила Кэтлин. – Знаешь, а мне даже понравилось. Пойду к почтальонам, – облегченно вздохнула она и направилась к выходу – видимо, ее тошнило.

Едва лишь она ушла, я откинулась на стуле и глубоко вздохнула.

«Этих писем я видеть не желаю. Я не стану их читать, я не стану отвечать на них».

Все было предельно ясно. Я займусь этим. Буду строго следовать инструкции миссис Бёрд.

Если она не желает на них отвечать, что ж, я сама отвечу.

Я взяла кипу бумаг мистера Коллинза и разложила их на столе таким образом, чтобы Кэтлин не видела, чем я занимаюсь. Выудив из корзины для бумаг письма, выброшенные миссис Бёрд, я вновь их перечитала.

Я не знала, чем я могу им помочь. Одно дело писать девушке, своей сверстнице, как вести себя с парнем. Но здесь все было намного сложнее.

Следовало понять, как бы ответил на подобный вопрос опытный автор, чтобы не случилось беды. Если я не знала, как ответить, были и иные журналы, другие авторы. Передирать все у них я не собиралась, но поучиться у них все же стоило. Я чувствовала, что проще всего мне будет отвечать на письма моих сверстниц, поэтому решила, что если не смогу помочь остальным, то займусь ими.

Когда Кэтлин вернулась вместе с чайной леди, миссис Басселл, опоздавшей, а потому взволнованной, я была словно наэлектризована. В моей корзине покоилось достаточно порванных конвертов, и в спасительной тьме на дне сумочки еще три ждали своего часа. Я намеревалась скупить все женские журналы по пути домой и попросить Банти и девочек из пожарной части одолжить мне свои. Если повезет, переделаю советы по образцу, а письма с ответами положу в почтовый ящик на улице. Тогда совпадут адреса. А если кто-то решит поблагодарить миссис Бёрд и напишет снова – что ж, все письма проходят через мои руки, и миссис Бёрд их просто не увидит.

Ей необязательно знать обо всем этом.

Это был шпионаж высшей пробы, и меня бы стошнило, если бы не миссис Басселл с ее привычными наущениями об опасностях, которые таил утренний чай с печеньем.

– Вот стукнет вам сорок, – вещала она, – увидите, как на полпути переменитесь и все уйдет в бедра.

Я достойно встретила эти ужасные новости, проявив неподдельный интерес к печению. Сегодня оно было самым обыкновенным, и через минуту я уже вновь сидела за печатной машинкой с чашкой чая и слегка надломленным печеньем.

После всего, что случилось этим утром, у меня словно выросли крылья. Кэтлин торжествовала – она обнаружила, что для миссис Бёрд пришла очередная посылка.

– Как хорошо, что я ее отследила, – щебетала она, пока миссис Басселл удалялась, неся ожирение другим отделам, – там будет столько новых узоров и схем! Миссис Бёрд была бы вне себя от ярости, если бы посылка затерялась. После всего, что сегодня случилось, сидим тише воды ниже травы, так будет лучше для нас обеих.

Я визгливо захохотала в ответ, что было мне несвойственно. Невероятное избавление и мой хитрый план просто опьяняли.

– Да уж, – взревела я с набитым ртом, – а вдруг не будет? Кэтлин шикнула, приложив палец к губам.
Я вернулась к бумагам мистера Коллинза.

Витающая в Облаках. Новые главы нашего романтического приключения!

Клара, глупышка, гордячка, – печатала я, следя за его строкой. – Как много всего ожидало ее за прутьями золоченой клетки! Если бы только она открыла глаза, то увидела бы, сколь сильное чувство владеет юным капитаном...

Я продиралась сквозь глупые строчки, приближаясь к на-
калу страстей. Ведь я всего лишь машинистка, младшая на-
борщица, которая должна усердно трудиться.

А в моей сумке с надеждой ждали письма.

Глава 7

Не обижайся! Эдмунд

Я шла на риск, но чувство долга перед читателями было сильнее. Все пытались делать вид, что тяготам и невзгодам войны их не сломить, но проблемы в личной жизни никогда не решались сами собой. Когда привычная жизнь летит кувырком, когда разлучены влюбленные, семьи и не знаешь, что будет дальше, все еще хуже.

Понятно, что опыта в подобных делах у меня не было, но попробовать стоило. Терзалась я лишь оттого, что еще не сказала ни слова Банти.

От моей лучшей подруги я не скрывала ничего. Нельзя дружить с кем-то всю жизнь и что-то утаивать. Я переживала потому, что она могла забраковать мой план, но если постараться и объяснить ей все как следует, она, конечно же, все поймет.

Когда кончился мой рабочий день в «Женском Дне», я вернулась домой, пряча в сумке пачку запретных писем, а подмышкой у меня была кипа журналов от мистера Боуна. Я чувствовала себя воровкой, контрабандисткой. Работа в должности младшей наборщицы принимала захватывающий оборот.

Снег так и валил, и я долго оттаптывалась на коврике в

прихожей бабушки Банти, сбивая его с ботишков. Когда поднимусь наверх, надо будет набить их газетами и просушить. Топая наверх, на третий этаж, я крикнула: «Привет, Банти», но она не ответила. Наверное, спала после ночной смены, и я зашла в квартиру, затем в гостиную, чтобы взять газету.

Банти не спала. Она стояла у камина. Странно, что она со мной не поздоровалась.

– Мне так жаль, Эмми, – я еще не успела снять шляпку, а она уже протянула мне конверт. На ней был ее второй, твидовый костюм, в котором она выглядела безупречно, и вид у нее был встревоженный.

Телеграмма для меня.

Все их ненавидят. Конечно, о чем еще можно подумать?

Эдмунд.

Я побледнела. Взглянула на Банти, на конверт. Глубоко вдохнула.

Банти стояла надо мной, пока я открывала конверт и читала эти пять строчек.

Случилось не то, чего я боялась.

Эдмунд был в полном порядке, но что мне теперь делать – вопрос хороший. Просто замечательно, что его не подстрелил какой-нибудь фриц, но вот остальное...

– Мне очень жаль, – повторила Банти. – Держи платок.

Она протянула мне свой платочек, аккуратный, чистенький, с лимонной каймой.

– Спасибо, не надо, – даже в столь трудной ситуации я

оставалась вежливой.

– Прими мои соболезнования, – сокрушалась Банти. – Садись. Нет, лучше я сяду. Бедный, дорогой Эдмунд, бедняжка.

«Хм-м», – подумала я.

Банти выключила радио, напевавшее какой-то веселый мотив. Как и все остальные, она знала, что нынешние телеграммы не сулят абсолютно ничего хорошего.

– Он храбро сражался? – она надеялась узнать о подробностях его возможной гибели. Банти в любой беде держится молодцом, но терпением никогда не славилась.

– Нет, я бы так не сказала, – проговорила я. – Знаешь, Бантс, он ушел от меня к какой-то медсестре.

– *Чего?* – Брови Банти заплясали. – Я-то думала, что он погиб!

Я отдала ей телеграмму, пытаясь подобрать нужные слова. Банти прочитала ее и слегка оживилась.

– Зачем он вообще прислал тебе телеграмму, если он в полном порядке?

Я уставилась на нее, раскрыв рот. Со стороны я, должно быть, выглядела глупо, но не могла ничего сказать в ответ.

Моя лучшая подруга спрятала платочек в рукав, как неуместное напоминание о ложной тревоге.

– Телеграмма? – Она почти что визжала. – Прислал телеграмму, а с ним НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ?

Теперь она принялась громко читать ее вслух – не самый

лучший вариант на пути к припадку гнева.

«...полюбил Венди. Субботу поженимся. Не обижайся. Всего хорошего. Эдмунд. P.S...»

Банти остановилась, подняв глаза.

– Эмми, да он же тебе изменил. КАКАЯ ЖЕ ОН СВИ-НЬЯ.

Она всегда умела называть вещи своими именами.

За какие-то две минуты Банти сменила настроение с траурного на боевое. Я отобрала у нее телеграмму, пока она не порвала ее на мелкие кусочки, и положила на каминную полку. Теперь она была похожа на запоздалое приглашение на очень важное мероприятие. В случае с Венди, полагаю, так и было.

Я попыталась собраться с мыслями. С моим женихом все было в порядке. Отличные новости. Плохо, правда, что он меня бросил.

Кажется, меня снова затошнило.

– Ну, что ж, Бантс, – собралась я. – Надо радоваться, что у него все в порядке.

Банти зло глядела на меня исподлобья, хоть никогда и не была злокой.

– И что он живой, а не мертвый, – продолжала я.

– Ну да. Конечно. – Банти вяло кивнула.

– В самом деле, ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, что он жив, – я почти что радовалась. – Очень хорошие новости.

Подходящие слова.

– Да, да. – Банти легко встала на мою сторону, а затем столь же легко переметнулась во вражеский лагерь. – Хорошие, да не очень-то.

Она была права. Не хотелось плакать, но Эдмунд поступил так подло.

– А ты ему только что жилетку отправила, – из уст Банти это прозвучало так, словно я построила для него танк.

Снова в точку. Я могла сшить что угодно, но вязала из рук вон плохо и над этой жилеткой просидела целую вечность.

– Может, он ее так и не получил, – Эдмунд же сражался против нацистов, а значит, его нельзя было судить так строго.

Но он меня *бросил*! Мне стало дурно. Телеграмма делала свое дело.

– Я налью тебе чего-нибудь, – Банти взяла быка за рога. Мы и в лучшие времена почти не пили, но в такой день, как сегодня, можно начинать.

Она откинула крышку бара в виде глобуса. Он был огромный, невероятно безвкусный, но бабушка Банти, будучи хозяйкой дома, сочла, что он вполне современный. Мы с Банти сошлись на том, что, если Лондон захватят немцы и будут ломиться к нам в дом, мы сбросим его на них с лестницы. Вся территория Британской Империи на нем была выкрашена в смелый оранжевый цвет, это должно здорово их разозлить.

– Виски с содовой подойдет, – Банти очень любила американское кино.

– Спасибо. – Я не пила ни виски, ни содовую, но это было

очень мило.

– Льда нет, – прибавила она так, будто это было второй из сегодняшних бед.

Я хотела было сказать, что да, конечно, у нас его нет, мы же в западном Лондоне, а не в Калифорнии, но это было бы нечестно. Хватит с нее плохих новостей.

– Налей уж тогда и себе, – предложила я, на что Банти охотно согласилась.

Было двадцать минут четвертого, и пить виски в столь ранний час было как-то волнительно. Наверное, так делала Бетт Дэвис. Почему это должно было случиться вот так, когда пришел конец нашей с Эдмундом помолвке? Я не хотела истерик, но мне было больно – словно кто-то влепил мне пощечину. Очень больно.

Я взяла бокал. Готова поспорить, Бетт Дэвис не страдала бы. Вряд ли она вообще вышла бы за такого, как Эдмунд. Он бы показался ей чересчур скучным. Если быть совсем честной, мне он тоже казался немного скучным, а я была просто девчонкой из Гемпшира, а не кинозвездой. Были у Эдмунда и другие недостатки, например, иногда он бывал невыносимо напыщенным. Он высмеял меня, когда я сказала ему, что хочу стать военной корреспонденткой.

Когда я вспомнила об этом, идея не выходить за него замуж начала казаться не столь уж плохой. Слегка взбодрившись, я понюхала виски. Банти подняла бокал, и я тоже.

А потом мы, как говорится, хорошенько отхлебнули.

Мы посмотрели друг на друга, чувствуя, как внутри все жжет огнем, и принялись кашлять. Брошена, а теперь еще и отравлена. Последние несколько минут выдались крайне насыщенными.

Чуть позже я вытерла слезы, пытаюсь прийти в себя.

– А что бы сделала Бетт Дэвис на моем месте?

– Пристрелила его и подалась в бега, – прохрипела Банти, сидевшая на диване рядом и разглаживавшая юбку. – Эм, честно, жилетка выглядела так, будто ее вязал обезумевший маньяк, может, это его и спугнуло, но так с тобой поступать – уж это ни в какие ворота не лезет.

– Точно, – согласилась я, так как теперь мы знали, что жених мой жив-здоров и даже бодр и весел, и от этого его поступок был еще ужаснее.

Правда была в том, что я любила Эдмунда, хоть отец и говорил, что он родился идиотом. Он был добрым малым, и я знала его с самого детства, и когда его призывали на службу, я согласилась с ним встречаться. И когда его отправили на фронт, он спросил, выйду ли я за него замуж, и я патристически согласилась. Не то чтобы я с ума сходила от любви к нему, но он был очень мил, да к тому же отправлялся на бой за мир во всем мире.

Мы сидели вот так, в унылой зимней гостинной, и я подумывала, а не сделать ли еще глоточек. Пожар внутри уже погас, стало совсем неплохо, и, кажется, я настроилась на философский лад.

Я взглянула на телеграмму на камине.

– Интересно, какая она, эта Венди.

– Готова поспорить, та еще уродина, – верная мне Банти для выводов не нуждалась в доказательствах.

Мы помолчали немного, размышляя о грандиозности случившегося.

– Я всем об этом расскажу.

Прозвучало не очень убедительно.

– Маме и отцу, и бабушке, и преподобному Уиффлу.

Преподобный Уиффл был нашим приходским священником. Он страдал подагрой и косил на один глаз, но беседы с ним были приятны, если поймешь, в какой смотреть. По меньшей мере, он бы счел нашу с Эдмундом размолвку странной.

На самом деле, когда все об этом узнают, будет еще печальнее.

Отец скажет, что «этот мальчишка – первейший дурак в целом свете», а мама вмешается со своим «Альфред, ругань делу не поможет, но Эдмунд действительно поступил очень глупо».

Нет, это уж слишком.

– Банти, я останусь старой девой.

Я была на грани отчаяния.

– Перестань, у тебя еще все впереди, – возразила Банти.

– Нет, поезд уже ушел. – Нужно привыкать к новой жизни, нужно быть сильной. – Нытиков никто не любит, но снова

через это пройти мне бы не хотелось. Хватит с меня всех этих помолвок. Сосредоточусь на карьере.

– Тем лучше для тебя! – Банти беспечно умолчала о моем провале с новой работой. – Кому сдался этот паршивый Эдмунд?

Она продолжала налегать на виски.

– Прости, но, – она хватала ртом воздух, – я, кажется, задыхаюсь!

Я похлопала ее по спине – безрезультатно. Включила радио в надежде, что поможет. Банти чуть слышно всхлипывала, из-за телеграммы или оттого, что готова была вот-вот отключиться.

Идти на смену в пожарную часть было еще рано, но, покончив с виски, я пошла в свою комнату, чтобы переодеться и подвести итоги. На самом деле я чувствовала себя прескверно. Даже если Эдмунд поступил так гадко, все равно он когда-то меня любил. Я думала, что он меня любит. Раз ты помолвлена, значит, тебя кто-то любит, разве нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.